

Дмитрий Казаков

БЕЛЫЕ СТЯГИ ПОБЕДЫ

Черные руны судьбы

Дмитрий Казаков
Белые стяги победы

«Автор»

2016

Казаков Д. Л.

Белые стяги победы / Д. Л. Казаков — «Автор»,
2016 — (Черные руны судьбы)

Юный маг, невероятно талантливый, правитель и завоеватель, слуга почти божественного, бессмертного Владыки... Девушка из гильдии наемных убийц, отпрыск королевского рода, мечтающая отомстить за лишенных трона предков... Матерый воин, командир отряда, безжалостно уничтожающий святилища и жрецов павшего хозяина мира... Каждый из троицы идет к своей цели, и другие для него – враги. Вот только куда заведет долгий и сложный путь, в конце которого – каждый из них уверен – реют знамена победы?

© Казаков Д. Л., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Часть 1. Трещины	5
1. Герой. Сейчас	5
1. Жрица. Сейчас	11
1. Мститель. Сейчас	17
2. Герой. Пятнадцать лет назад	20
2. Жрица. Девять лет назад	26
2. Мститель. Восемь лет назад	33
3. Герой. Сейчас	37
3. Жрица. Сейчас	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дмитрий Казаков

Белые стяги победы

Часть 1. Трещины

1. Герой. Сейчас

Дрожание неопределенности на самой грани доступного Ардил ощутил, едва его конь вступил на площадь перед Храмом Бессмертных. Отметил, как повернул голову ехавший впереди сотник гвардии, Серебряных Крыльев, как с крыши дома напротив святилища с карканьем сорвалась ворона, услышал противное жужжание, увидел, как мельтешат над грязной лужей черно-зеленые точки навозных мух, как взблескивают на солнце их крылышки...

А в следующий миг события понеслись, точно укушенный оводом кентавр.

Магическая молния ударила Ардилу в лицо, но столкнулась с мгновенно созданным щитом, и разбилась на десятки шипящих длинных искр. Одна попала на плащ сотника, и тот запылал, будто высохшая трава, испуганно заржала лошадь, попытавшаяся сбросить наездника, но тот натянул поводья и удержался в седле.

Жужжание стало громче, мухи устремились в сторону Ардила.

Он вздрогнул от отвращения, но погасил его усилием воли, и сознание привычно раздвоилось – теперь он видел одновременно мир и его изнанку, предметы и светящиеся поля энергии, и одно накладывалось на другое, образуя яркую, непредставимую для обычного смертного картину.

– Ого... – только и произнес Ардил, поняв, что за «насекомые» летят к нему.

То, что простому взгляду казалось летучими тварями, предстало отражением хитро закрученного, многократно дублированного заклинания, созданного с помощью алхимии. В каждой из «мух» спрятана крохотная частичка тормозящего движения жертвы, замутняющего сознание яда, что подействует только на мага, на того, кто обладает активной энергетической проекцией.

Рой, вихрь гнилостно-зеленоватых искорок, нацеленных на него, на Ардила...

Словно издалека донеслись приглушенные хлопки, гвардеец, ехавший справа, вылетел из седла, второй успел вскинуть щит, и по нему забарабанило нечто похожее на металлический град. Нападавшие пустили в ход арбалеты, а все, что было до сих пор, и молния, и «мухи», требовалось, чтобы отвлечь, не дать хозяину Гардза сосредоточиться, и наверняка будут еще «сюрпризы».

Тот, кто собрался лишить Ардила жизни, знал, с кем имеет дело.

Первая «муха» ткнулась в лоб, он ощутил укус, похожий на пчелиный, и по лицу поползло онемение, кожу неприятно стянуло. Вторая попыталась вонзиться в ухо, ввинтиться в ушную раковину, но исчезла в короткой вспышке – начало действовать контрзаклинание, от рук и плеч навстречу зеленым искоркам взлетели сотни красных огоньков.

Создал собственный фантом – «насекомые», прорвавшие заслон, атакуют его.

Металлический грохот и истошное ржание возвестили, что закрывший Ардила гвардеец рухнул вместе с конем – любые доспехи рано или поздно будут пробиты, если в них впиваются десятки арбалетных болтов... Увидел распахнутые окна, из которых велась стрельба, валяющихся на мостовой горожан, что случайно оказались рядом с местом покушения...

И троих мужчин с кинжалами, выскочивших из-за угла.

Попытку наложить на него обездвиживающие чары Ардил отmel играючи, а затем ответил – по дрожащим нитям, что тянулись от чужого заклинания, потекли волны энергии. Безмолвный, различимый только для мага крик дал понять, что тот, кто посмел соперничать с ним, сейчас горит изнутри, заключенный в теле огонь рвется наружу, пожирает живую плоть!

Но на контратаку ушло несколько драгоценных секунд.

Первый из убийц оказался рядом, но вместо того, чтобы ударить, поднырнул под брюхо коня. Ткнувшаяся в висок арбалетная стрела отвлекла Ардила, в следующее мгновение он ощутил, как в бедро его входит острый нож, смазанный ядом, а скосив глаза, увидел, как по блеснувшему клинку потекли алые струйки.

Боль хозяин Гардза ощущал почти так же, как обычные люди.

Второй убийца попытался достать Ардила в другое бедро, и вот тут-то он разозлился по-настоящему, даже вздрогнул от накатившего гнева, и губы выплюнули ругательство, выученное еще в детстве, когда он был одним из мальчишек, добывавших пропитание на задворках Длиарна. Взмахнул рукой, и последние зеленые «мухи», кружившие вокруг побледневшего фантома, с протяжным шипением растаяли, а затем сгинул и сам призрачный дубль.

Лезвие воткнувшегося в бедро ножа вспыхнуло белым огнем.

Убийца с криком выпустил раскалившуюся ручку, второй схватился за переставшие видеть глаза, а вокруг мага забушевало бешеное пламя, сжигая своих и чужих, уничтожая даже намек на опасность. С грохотом рухнул дом, откуда стреляли арбалетки, и вопли боли сменились тишиной, остался лишь треск медленно остывающих камней.

Ардил опустил сжатый кулак, и огонь погас.

На мостовой остались обгоревшие тела, гвардейцы изжарились в доспехах, а убийцы превратились в уголь, бесполезный даже для самого искусного некроманта. Двухэтажное здание, где ранее вроде бы располагался постоянный двор, сделалось грудой закопченных развалин. Оставшиеся в живых Серебряные Крылья, двое из тех, что ехали в арьергарде и благодаря этому уцелели, торопливо послали фыркающих лошадей вперед.

– Вы не пострадали, господин? – спросил один из них.

– Нет, чтобы мне облезть, – отозвался Ардил, борясь с клокочущим внутри гневом. – Поглядите, не осталось ли там кого в живых.

Эти ублюдки посмели поднять на него руку... на него, избранника Нового Бога, будущего повелителя мира... те, кто погиб сегодня – жалкие марионетки, они получили свое... но вот когда он доберется до тех, кто все это придумал, то тогда... он не любитель пыток и казней, но каждый в этом мире должен понять, что покушаться на хозяина Гардза себе дороже! Тот, кто противостоит ему, обязан будет сдаться, потерпеть поражение, поднять над своим логовом белый флаг!

– Они все сдохнут, будут умирать долго и страшно, – прошептал он.

Немного успокоившись, опустил руку к поясу, ощупал висевший там мешочек из коричневой замши. Тот опустел, стал почти в два раза меньше, чем в тот момент, когда Ардил выехал из замка, отправляясь на освящение едва достроенного Храма Бессмертных. Это значит, что половина спрятанных внутри кристаллов, позволяющих творить магию, обратились в черную пыль.

Эх, если бы можно было обходиться без них!

Увы, такое возможно лишь для бога.

– Двое дышат, господин! – крикнул один из гвардейцев, взобравшихся на груды черных руин, и Ардил удовлетворенно кивнул: раз враг жив, значит, «расскажет» все, что необходимо, даже если не будет в состоянии шевельнуть языком или проявит чудеса стойкости.

– Тащи его сюда, – велел он, слезая с коня и морщась от боли в бедре.

Да, рану не залечил, и, кстати, разрез на штанах остался – смотрится плохо.

Громыхнул откатившийся в сторону камень, затем еще один, Серебряные Крылья закричали, и из развалин оказался извлечен могучего сложения парень, одетый неброско и добротнo, как средней руки приказчик. Вот только в руке его обнаружился сломанный арбалет, а на пальцах – мозоли, какие бывают лишь у того, кто давно и часто стреляет из этого оружия.

– Наемник, – сказал Ардил. – Сейчас мы узнаем, кто его хозяин. А ну-ка...

Он присел на корточки и приложил ладони к вискам раненого.

Вновь пережил раздвоение сознания, и изнанка расцвела перед глазами буйством смазанных красок. Теперь нужно отыскать здесь нужную дорогу, извлечь то, что спрятано в голове у арбалетчика, наделить плотью воспоминания, никуда не исчезнувшие, несмотря на то, что они давно похоронены в памяти, скрыты под ее слоями, растворены в темных водах прошлого.

То, что Ардил делал сейчас, не умел больше никто в этом мире.

Уроки Нового Бога наложились на невероятный талант его ученика...

Любое живое существо, если смотреть на него с изнанки – не более чем сгусток энергии, и копаться в нем ничуть не приятнее, чем в куче старого мусора. Здесь и желания, и обиды, и мечты, а и то, и другое, и третье редко бывает красивым, горечь неудач, обжигающая лава злорадства, игольчатые вихри неприязни и ледяные глыбы ненависти.

Ардил продирался сквозь все это, как путник через непогоду.

К тому моменту, как нащупал и извлек нужное, сам вспотел, счастье еще, что сумел ухватиться за последнее стремление, оставшееся в голове раненого – выцелить вон в того хлыща на лошади. На миг увидел себя со стороны – мелкий и тощий, копна светлых волос, пряди торчат, на треугольном и белом лице почти детское удивление, рот приоткрыт.

А затем он двинулся к корням этого стремления, к тому, что его породило.

Оказался за столом в полутемной комнате, судя по всему, в зале большого постоянного двора, разглядел сидящих на стульях мужчин, и услышал хриплый голос того из них, что был одет богаче других: «...помните, что вы имеете дело не с обычным человеком, что тот, кого называют Ардилом из Гардза, намного могущественнее, чем любой маг...».

Говоривший был высок, сед и коротко стрижен.

А на правой руке у него красовался перстень – массивный, золотой, с гербом в виде обвивающего палец дракона, что держит в пасти красный шарик небольшого рубина. Выговор с характерными шипящими интонациями намекал, что его обладатель родился на юге, между Романдо и долиной Кран-Рели, или хотя бы прожил в тех местах много-много лет.

Все сходилось одно к одному!

Гнев вышвырнул Ардила из видения, он зарычал, сжимая кулаки, перед глазами возникла багровая дымка. С трудом разглядел сквозь нее испуганные лица, понял, что рядом находятся люди, и что если он позволит ярости овладеть собой целиком, то они, скорее всего, погибнут, а это будет нехорошо, ведь в данный момент ему не нужно сражаться за свою жизнь.

Надо успокоиться.

– Что... вам? – прохрипел Ардил, с трудом удерживая себя.

– Мы... господин, пришли удостовериться, все ли с вами в порядке... – испуганно моргая, пробормотал толстяк в бобровой шапке с серебряным шитьем. – Я – городской голова, Пахтон Двойня, вы должны помнить меня, я вам представлялся в прошлом месяце, накануне праздника Возвращения Незримого Хранителя...

Ах да, точно, новый бургомистр, поставленный совсем недавно.

Наверняка прибыл на открытие святилища, а тут такое...

– Да, конечно, – Ардил поднялся на ноги, пошатнулся – слишком много сил отдал на поиски в чужой памяти. – Распорядись, чтобы тут убрали, – он махнул рукой, обводя площадь, – убитых – похоронить, дома отстроить, я все оплачу, а Храм Бессмертных мы освятим потом, сегодня не стоит...

Гнев его понемногу стихал, но в ушах по-прежнему звучал хриплый голос с отчетливым акцентом, а перед мысленным взором извивался золотой дракон с огненным шаром в пасти – герб королевства Тарегон, чьи правители, находившиеся с Ардилом из Гардза в давней и упорной вражде, и стояли за сегодняшним хитрым и масштабным покушением.

* * *

Сладостное предвкушение затрепетало в груди Ардила, едва он переступил порог зала для совещаний, и его полководцы дружно, как по команде, вытянулись и расправили плечи. Звякнули огромные шпоры на сапогах Эбнера, командира Серебряных Крыльев, и хозяин Гардза пошел к огромному столу, заваленному картами, свитками донесений, отчетами от наместников провинций, депешами от послов и всяким пергаментным «мусором», без которого не бывает войны.

А она будет, и скоро, и он об этом позаботится.

Тарегон должен быть уничтожен, и не только потому, что сидящий на его троне король посмел покуситься на жизнь Ардила. Если гордый Ревайн, чьи стены и башни отражаются в водах реки Старк, падет, то войскам под знаменами Нового Бога откроется путь дальше, в те земли, где копят силы и собирают армии некроманты под стягом с костяной ладонью.

А на пути к владычеству над миром их тоже придется одолеть.

– А ну-ка начнем, – сказал Ардил, заняв место во главе стола.

Здесь собрались его полководцы, командиры отрядов, кому вести в бой воинов, и чиновники, что останутся управлять государством, следить за порядком и собирать налоги. Без подобных людей ни одна армия, даже самая мощная и хорошо управляемая, не выиграет войны.

И по обычаю, первое слово принадлежит младшему.

– Если господин позволит... – заговорил Роско, командир полка тяжелой пехоты. – Если посмотреть...

Они высказывались один за другим, сенешаль и командир Серебряных Крыльев, верховный инквизитор и предводитель конных лучников, и не было в их речах ничего нового, чего бы Ардил не знал. В провинциях, что лежат за Хелдезом, мор и недовольство, крестьяне волнуются, а еще дальше, на границе шалют нелюди, тролли и вольные орки, набеги случаются каждый месяц. На востоке, с моря приходят пираты, на западе, в недавно присоединенных землях, то и дело вспыхивают мятежи, и войско нужно везде одновременно.

Они не могут вести новую большую войну.

И все же они ее начнут, поскольку так велел Новый Бог.

– Хорошо, я вас слышал, – сказал Ардил, когда закрыл рот канцлер, старейший из собравшихся. – Я понял, что свободных сил у нас не хватит, чтобы открыть кампанию против Тарегона... но прошлый год был во всем удачным, и казна полна, и мы можем пустить ее в дело... что толку от золота, если оно лежит в хранилище и покрывается пылью?

Понятное дело, они исполнят все, что бы они ни велел, воплотят в жизнь любой приказ, но лучше показать, что это не его прихоть, а повеление благостного бога, чьи храмы в городах под властью Ардила с недавнего времени соседствуют со святилищами Сияющего Орла. Тогда и воины пойдут в бой с верой в сердце, и мытари утаят меньшую часть налогов, каждый исполнит свой долг до конца, и не подумает увильнуть от него.

– Обратимся же к Верховному Благу! – воскликнул он, и вскинул руки.

Обычный мир вокруг потускнел, не так, как во время утренней схватки, когда вселенная для Ардила раздвоилась, а куда сильнее, словно остался за толстым и мутным стеклом. Затем исчез вовсе, и он обнаружил себя на крохотном островке спокойствия меж потоков разноцветного сияния – алого, лимонно-желтого и фиолетово-синего с серебристыми искорками.

– Присутствие... – прикатилось грохочущим шепотом из непредставимой дали.

«Ты нужен нам, повелитель» – даже не произнес, а подумал Ардил, направляя мысль туда, где меж облаков струящейся материи укрывался верховный хозяин и его собственной жизни, и жизней всех обитателей земель, что раскинулись на сотни миль в стороны от замка Гардз. Тот, единственный, кто в состоянии защитить их мир от пожирания ненасытным Хаосом, спасти от неизбежной гибели.

– Воплощение... есть... – отозвался повелитель.

Ардил, как обычно, почувствовал приближение Нового Бога как надвигающийся ураган, опасный не злотворностью, а просто чудовищной мощью. Все его тело охватила боль, причудливо смешанная с экстазом, и он рывком вернулся с изнанки в обычный мир, обнаружил себя в зале для совещаний, дрожащего и потного, вцепившегося руками в край стола.

А над центром столешницы воздух дрожал и колыхался.

Новый Бог не любил воплощаться, и в настоящем, полноценном теле Ардил его не видел ни разу, хотя провел в учениках почти десять лет. Обычно повелитель создавал себе колышущийся, светящийся, неустойчивый облик, иногда появлялся в виде животного или даже растения, хотя в любом случае он изъяснялся странно, больше образами и чувствами, чем словами.

– Явление... явление... – донесся из дрожания шепчущий голос.

Возникло облачко белого тумана размером со щит всадника, по краям его поплыли радужные разводы, а в центре открылось черно-желтое око с кулак, похожее на змеиное. Под его взглядом поежился не знающий страха командир Серебряных Крыльев, потупился Роско, верховный инквизитор забормотал молитву, а канцлер сделал несколько шагов назад.

– Повелитель, помоги же нам! – воскликнул Ардил, отвешивая поклон.

Следом поклонились остальные.

– Собрание... продолжение... – произнес бог. – Необходимость... всегда...

Каждое слово заставляло вздрагивать собравшихся вокруг стола людей, и все они ощущали одно и то же – Новый Бог желает войны, хочет, чтобы Тарегон был сокрушен. Перед глазами Ардила мелькали картинки, слишком размытые и смутные, дабы он мог понять, что они означают, а вот видели их другие или нет, он не знал, да и знать не хотел.

Достаточно, что они слышат повелителя, чувствуют его желания.

– Исполнение... победа, – произнес повелитель, и облик его заколыхался.

Закрылось черно-желтое око, обернулось завитком белого тумана, многоцветные разводы начали бледнеть, словно краски, куда добавили очень много воды. Через мгновение повисшее над столом облачко исчезло, а стоявшие вокруг люди поклонились вновь, и все одновременно прошептали «да славится хозяин нашей жизни и нашей смерти».

– Вы все осознали волю, которую нам надлежит исполнить, – сказал Ардил.

– Да... да... да... – понеслось с разных сторон.

Появление Нового Бога сделало свое дело – они потрясены и ошарашены, избавились от сомнений и преисполнились глубокой, свежей веры. Его собственная усталость, возникшая после глубокого погружения в изнанку, сгинула бесследно, ее место заняла готовность к немедленному действию, нетерпение, замешанное на бурлящем внутри ощущении силы.

Предстоит еще многое решить... какие полки отправить в поход, а какие оставить... сколько понадобится наемников и какого вида... как организовать снабжение и когда высту-

пить... что насчет разведки и контрразведки... но Ардил знал, что обязательно с этим справится. Ведь иначе и не может быть, когда им помогает сам Новый Бог!

1. Жрица. Сейчас

Джадия висела на потолочной балке, обхватив ее руками и ногами, и восьмеркой захлестнутый вокруг талии и той же балки пояс не давал ей упасть. Она была привычна к подобным упражнениям, усталости пока не чувствовала, и спокойно ждала, стараясь без нужды не шевелиться.

Внизу, под ней, лежал зал постоянного двора «Три слона», самого большого и известного в Варгене. Бегали слуги с подносами, за стойкой восседал хозяин, сложением похожий на одно из животных, давших название его заведению, за столиками ели и пили припозднившиеся гости.

Джадию интересовала компания в углу, состоявшая из крепких мужчин, вооруженных и покрытых шрамами. А если точнее, то самый могучий из них, громче всех смеявшийся и больше всех пивший, с крохотной лысиной в обрамлении рыжих волос.

Звали его Дастин Рог, был он капитаном роты наемников «Серые Акулы», и девушка явилась сюда, чтобы его убить. В кармашке на воротнике ждала своего часа крохотная игла, намазанная ядом, сделанным из печени болотной жабы Черных лесов – он действует быстро и не оставляет следов.

Джадия могла проникнуть в «Три слона» как все, через дверь, но тогда бы ее заметили и запомнили. Она выбрала другой путь, и едва начало смеркаться, пробралась на крышу сарая, пристроенного к основному зданию, затем протиснулась в слуховое окошко, и очутилась на балке.

Заказ девушка получила в Длиарне, а в Варгене находилась восемь дней, и все это время наблюдала за Дастином, изучала его привычки, то, куда он ходит, с кем общается, что ест и пьет.

Капитан был крепким орешком, оружие всегда держал под рукой и не забывал глядеть по сторонам. Джадия, конечно, имела шансы в открытой схватке с ним, но рядом с командиром почти всегда крутились двое-трое вояк из его роты, и вовсе не тупых дуболомов.

– Эй-эй, почтенные гости! – басом проревел хозяин, выбравшись из-за стойки. – Клянусь благостью Нового Бога, скоро стража пойдет по улицам, проверять, кто огня не загасил, и мне нет желания платить штраф, так что собирайтесь, и кто домой, а кто по комнатам!

Двое вышибал, сидевших у двери, привстали с табуретов, бродячий сказитель, щипавший струны у очага, недовольно закричал, трое пьяниц за столиком у двери принялись торопливо опустошать кружки.

– Может еще чуток, клянусь ляжками сирены? – спросил Дастин, повернувшись, и Джадия увидела его лицо: обветренное, загорелое, холодные глаза и старый шрам на подбородке.

– Нет, и не просите, – хозяин замотал головой. – Это у вас могут быть деньги лишние, а у меня десятерной сикль, что на штраф попросят, в кошельке не завалялся, мне на него месяц работать надо!

Девушка знала, что толстяк врет – три дня назад явилась сюда, переодевшись барышней из веселого квартала, и пока сидела с подгулявшими моряками, не только узнала все о местных порядках и изучила здание, но и подсчитала доход заведения, и определила, кто из слуг ворует.

– Э, ладно, как скажешь... – капитан махнул рукой и потянулся к кувшину с вином. – Сейчас, допью только.

Расплатился и вышел пожилой купец, живший на соседней улице, надравшиеся матросы с Отрезка потянулись в ночь искать приключений на собственные задницы. Громыхнул

вставший на место засов, и это значит, что в «Трех слонах» остались только те, кто здесь живет.

Забегали слуги, вытирая столы, подметая пол, утаскивая на кухню грязную посуду, хозяин принялся считать монеты – из-за стойки донеслось негромкое позвякивание. Дастин Рог и его приятели отправились к лестнице, ведущей на второй этаж, к комнатам, но на верхней ступеньке капитан внезапно остановился.

Джадия замерла, когда он глянул в ее сторону и прищурился – знала, что свет от очага и свечей до балки не достигает, и что со всех сторон она выглядит бесформенным пятном во мраке, но все же забеспокоилась. Ладонь потянулась к игле – в самом худшем случае придется метать ее сейчас, а затем уходить, оставляя за спиной «лишние» трупы.

Но предводитель «Серых Акул» шумно рыгнул, помянул срамные места Стального Сокола, и зашагал дальше. А она перевела дух, и расслабила напрягшиеся было руки – еще не время ей пускать оружие в ход.

Поленья в очаге прогорели, хозяин утащил последнюю свечку, и грохнувшая дверь возвестила, что до утра о нем можно забыть. Оставшийся в зале слуга улегся на лавку и засвистел носом, и только после этого девушка аккуратно расстегнула пояс и мягко спрыгнула на пол.

На миг припала к усыпанным соломой доскам, ловя звуки, запахи и тени, а затем поползла к лестнице. Три дня назад Джадия вытерпела приставания щетинистого боцмана, а когда они поднялись в комнату, быстренько его усыпила, нажав пару точек на шее, и ночь потратила на то, чтобы все здесь изучить.

Седьмая снизу ступенька скрипит, на нее наступать нельзя, в коридор нужно протискиваться, иначе подадут голос ржавые петли, а капитан обитает в комнате, чья дверь помечена изображением трубящего слона.

Тут она вновь замерла, прижалась к стене, и вся обратилась в слух, забыв о зрении, осязании, прочих чувствах. Уловила сонное дыхание, разделила его на четыре «голоса», в соседнем номере кто-то закричал, с шумом испортил воздух, напротив храпят так, что дрожат стены.

«Темный Жрец и его сестры хранят свою служанку» – подумала Джадия, вытаскивая из кармана под одеждой проволочную петлю; защелку, что запирает дверь, открыть не сложнее, чем высморкаться.

Аккуратное движение, и закрепленная на гвозде деревяшка повернулась. Коротенький скрип, и девушка оказалась внутри комнаты, сжалась в комок на пороге, давая глазам привыкнуть и вытаскивая из кармашка иглу.

Широкий лежак у дальней стены, прямо под окном, и на нем двое, узкий совсем рядом, на нем кто-то один, и четвертый посапывает на сундуке. От запаха портянок, пота и перегара свербит в носу, в рядок стоят сапоги, а одежда кучами валяется на столе и табуретках.

Капитана Джадия обнаружила на сундуке – рот приоткрыт, голова запрокинута, хорошо видна шея. Она задержала дыхание, а затем метнула иглу так, как ее учили – мягко, выпуская из пальцев в самый последний момент, точно стряхивая с щепоти каплю воды.

Дастин вздрогнул, захрипел, глаза его раскрылись, но тут же застыли, по сильному телу прошла судорога. Если яд из печени болотной жабы попал в кровь, то отравленный не живет дольше нескольких мгновений.

Девушка выждала, пока капитан «выбросит белый флаг», перестанет дергаться, временно прислушиваясь, что творится в коридоре. Убедившись, что заказ выполнен, и никто не вышел из своей комнаты, она выскользнула наружу и с помощью той же петли вернула защелку в прежнее положение.

Осталось убраться отсюда, и сделать это так, чтобы никого не потревожить: назад к лестнице, по ней на третий этаж, и через окошко в пустующей мансарде на крышу сарая, а

оттуда через забор на улицу. Понятно, что по Варгену ходит стража, но ускользнуть от нее не сложнее, чем мужику выдернуть волосок из собственной бороды.

* * *

Борода у гнома была настолько длинной, что ниспадала до колен, зато голос звучал пискляво, точно у ребенка. Смотрел он на Джадию с сомнением, да еще и морщился, словно видел нечто гадкое, непотребное.

Возможно, его смущало то, что сегодня она нарядилась под воительницу из земель варваров – темные волосы заплетены в две косы, на щеках яркий рисунок, изображающий тотем племени, на поясе меч и кинжал, а одежда куда больше подошла бы мужчине.

– Ну, хм... усе конечно понятно, деньги заплачены, место определено, – протянул он после долгой паузы, – но пусть хозяин решает, как это устаканить... сейчас я его позову.

Ночью Джадия без приключений вернулась на постоянный двор, а уже на рассвете покинула его, сунув зевающему хозяину серебряный сикль. Место в гномьем обозе, уходящем из Варгена в Гардз, она приобрела заранее, но через посредника, и когда явилась к телегам, ее появление «во всей красе» вызвало ошеломление у бородатых нелюдей.

– Ну, зови, – сказала она с той угрожающей интонацией, с какой и должна говорить барышня, выросшая там, где девочка учится сражаться наравне с мальчишками, а лук получает в подарок раньше, чем швейную иглу.

На зов явился другой гном, с подстриженной седой бородой, топором на поясе, родинкой на щеке и внимательными темными глазами, под взглядом которых девушка невольно подобралась.

– Что тут, Цайнеке? – спросил он.

– Вот, она собирается ехать с нами, для нее от Арчита Мохнача место покупали, – наябедничал длиннобородый.

– Ну раз для нее, значит она и поедет, – сказал обладатель острого взгляда и не менее острого топора. – Меня зовут Рацибуж Седьмой, и клянусь пальцами Урда, обо мне слышали и в ваших местах. Если не ошибаюсь, ты из клана Седого Волка, причем из средней ветви... как там вождь?

– Старый умер год назад, новый, Вадхун Крикун, поднят на кошме, – отозвалась Джадия, тщательно готовившая всякую новую «личину», и для превращения в воительницу из варваров собравшая все слухи и новости, пришедшие из степей.

– Эх, понятное дело, годы, – Рацибуж похрустел пальцами, усмехнулся, показав крупные белые зубы. – Хотя крепкий был старик, мы с ним не один кувшин пива уговорили, да и кумыса тоже. Поедешь на седьмой телеге. Цайнеке, проводишь ее. Понял?

Девушка кивнула, а предводитель каравана, один из богатейших и наиболее удачливых гномьих купцов, имевший дела чуть ли не во всех крупных городах мира, развернулся и зашагал прочь.

– Усе понял, – вздохнул длиннобородый, и подмигнул Джадии. – Пойдем, красотка.

Седьмая телега оказалась загружена оплетенными кувшинчиками, причем каждый был поставлен в особый ящичек с соломой и заткнут пробкой. Потянув носом, она определила, что внутри благовония – драгоценное земляное масло, что добывают только в Кран-Рели, цветочные эссенции с Отрезка и из земель за горами.

– О, это ко мне? – обрадовался возница, бывший по плечо даже Цайнеке, а уж Джадии и вовсе достававший до пояса. – Ох, какая цаца, люблю я таких, страсть как, и даже больше, чем пиво...

Он немедленно попытался хлопнуть девушку по заднице, а когда та увернулась и врезала гному кулаком в лоб, не расстроился, а крикнул от удовольствия и принялся щупать набухающий синяк.

– Норовистая, – с придыханием сообщил возница. – Садись вот сюда, тут местечко есть... Выпить не хочешь? – он извлек откуда-то из ящичков булькнувший бурдюк. – Темное, настоящее гномье. Не хочешь? Ну а я хлебну, – он с чмоканьем присосался к бурдюку, – эх, люблю я это дело, страсть как, а звать меня, если хочешь знать, Пегас.

– Зарина, – отозвалась Джадия, усаживаясь на телегу. – Пегас, ну и ну.

– А это потому, что я летать люблю, – возница заметил подходившего Рацибужа, и бурдюк из его рук исчез, словно на емкость с пивом наложили заклинание невидимости. – Когда пьяный. Откуда только не спархивал, и с крепостной стены, и с крыши храма... Ага, поехали!

Купец забрался на лошадь, махнул рукой, и Цайнеке подул в рожок, подав сигнал. Захлопали бичи, завертели колеса, и обоз потихоньку двинулся с места, уходя с площади, втягиваясь в узкую горловину улицы.

– А с крыши храма – это такой угар был, чтобы мне лопнуть, – продолжал рассказывать возница, ловко орудуя поводьями, – мы тогда с дружками пили там, куда Древние драконов не гоняли, все кабаки этого гнусного городишки в Романдо обошли, но пива не отыскиали.

Джадия делала вид, что слушает болтовню Пегаса, что ей она не особенно интересна, но деваться некуда, а сама не забывала поглядывать по сторонам – пока они не покинули Варген, расслабляться рано, есть шанс, что убийцу Дастина Рога ищут по городу.

Но на улицах все выглядело как обычно – сновали продавцы сушеных кальмаров и вина, орали зазывалы, надувая щеки и пуча глаза, хозяева лавок улыбались, стражники выглядели сонными, точно сытые коты, на гномов вовсе не смотрели, хотя воительнице из варваров порой доставались сальные взгляды.

– И хлоп, очухиваюсь, а подо мной пыльная мостовая, и морда-то, морда! – закончил рассказ возница, и захохотал так, что приценивавшаяся к ковру женщина невольно обернулась и сделала знак Когтей.

Они проехали святилище Сияющего Орла, старое, с потускневшим золотым диском на крыше, миновали новый храм, посвященный Новому Богу, Незримому Хранителю, как называли его жрецы всех мастей. Впереди, над домами показались стены города, возведенные лет пятьдесят назад.

Пегас затянул новую байку, столь же бессмысленную и беспощадно длинную, а Джадия подобралась – в воротах ее могут караулить, и лучше подготовиться к худшему. Обоз остановился, Рацибуж принялся спорить со старшим из стражников, а двое его подчиненных зашагали вдоль ряда телег.

– Тут чего? – спросил один, толстый и краснолицый, ткнув пальцем в дерюжный мешок.

– Мандрагора, – мрачно отозвался возница. – Пошлина за нее уплачена.

– Ладно тебе, все одно в накладе не останемся, – второй, маленький и усатый дернул соратника за руку. – Слышь, чего Лишай сегодня утром рассказывал – капитана «Серых Акул» порешили!

– Да ладно? – не поверил краснолицый.

– Чем хошь поклянусь, нашли у себя в постели с ножом в глотке, – они пошли дальше, и оба одновременно мазнули взглядами по Джадии, а точнее – по ее выпяченным грудям. – Дверь закрыта, он не один был, все парни тертые, не один год в боях, так что муха не пролетела бы незамеченной!

Девушка про себя усмехнулась – еще несколько дней, и начнут рассказывать, что Дастина Рога лишили жизни с помощью магии, или неведомый убийца положил с дюжину

охранников, залил кровью весь постоянный двор «Три слона», а из толстяка-хозяина сделал чучело.

Беседа Рацибужа со старшим караула закончилась тем, что из рук в руки перекочевал звякнувший мешочек, и обоз покатило дальше. Надвинулись и проплыли мимо башни городских ворот, открылась уходящая на запад дорога, и Джадия расслабилась по-настоящему.

– А тут этот, который хворый наемник, мне и говорит – «горгулья, срань ее в Хаос»! – продолжил трепаться Пегас, не обращавший внимания на то, что его не особенно и слушают. – Мы за топоры, а он молоток вытащил, здоровый такой, как весло на галере, только еще больше!

Они проехали еще немного, и девушка обернулась, чтобы бросить взгляд на Варген – сюда она если и попадет, то не скоро, через несколько лет, когда обстоятельства гибели капитана «Серых Акул» будут забыты. Примерно через милю дорога свернула, и они оказались на берегу Хелдеза, чья вода казалась серой, точно волчья шерсть.

Там было так же оживленно, как и на тракте, что связывает Дельту со столицей Ардила. По речной глади скользили барки, надувались паруса рыбачьих лодок и торговых кораблей, северный ветер нес запахи камыша и сырой рыбы, под его ударами на волнах появлялись барашки.

Ехали целый день под нескончаемый поток историй Пегаса и начавший моросить дождь. Закутавшаяся в накидку Джадия кемарила, время от времени выныривая из дремы, дабы оглядеться и проверить, что происходит вокруг.

На ночь остановились в небольшом городке, и в его единственном постоялом дворе нашлась комната на одного человека, пусть вонючая и крохотная, но с крепкой дверью. Девушка устала, и терпеть приставания гномов, охочих до человеческих женщин, не собиралась.

Проснувшись она на рассвете и, поворочавшись немного, поняла, что больше не уснет. Когда выбралась в большой зал, обнаружила, что там пусто, за стойкой сонно хлопает глазами служанка, а за одним из столиков пьет пиво Рацибуж Седьмой, такой свежий, будто вообще не спал.

– А, уже проснулась, Зарина из средней ветви Седого Волка? – гном махнул рукой. – Иди сюда.

Служанка, маленькая и толстенная, оказалась рядом, в ее взгляде, обращенном на поддельную воительницу, мелькнула зависть – сильная и независимая, да вдобавок еще и красивая – а голос прозвучал робко:

– Что подать госпоже?

– Еды, – ответила Джадия.

– Едешь в Гардз? – спросил Рацибуж, когда она уселась рядом. – Понятное дело. Такие, как ты, кто зарабатывает мечом, чувствуют войну, словно вампиры – кровь, а такие как я, точно так же чувствуют прибыль.

– Война для тебя убыток? – спросила девушка.

– Смотря какая, – купец отхлебнул из кружки, и белая пена повисла у него на усах. – Если мелкая, вроде тех, какие раньше были, то от них одни неприятности, ну а коли большая, во всю жопу, вроде тех, какие Ардил затевает или нынешний хозяин Эрента и Савира, так мне от них только радость.

Джадия вопросительно изогнула бровь, и Рацибуж с воодушевлением продолжил:

– Чистая сталь, мрамор, тонкий уголь, мифрил стоят больших денег, и их будет покупать лишь тот правитель, что обладает серьезными деньгами, для мелкого князька все это роскошь. Видит Урд, тому, кто воюет, ресурсов требуется во много раз больше, а значит – нужны купцы, способные привезти редкие товары с другого края мира! Хе-хе!

Со двора донесся могучий зевок, потом кого-то со смаком шлепнули по спине, загоготали в несколько луженых глоток. На смену этим звукам пришло фыркание и плеск, взвизгнула девушка – возчики и охранники, ночью спавшие под телегами, взбадривали себя как умели.

– Будет война? – спросила Джадия.

– Конечно, будет, понятное дело, – купец опустошил кружку и со стуком поставил на стол. – Тарегон у Ардила как кость в горле, это и выход к Серебряному морю, и торговля по Старку, возможность потом напасть на Романдо или на тех безумцев, что молятся смерти за Огненными горами.

Он поднялся, намекая, что разговор окончен, и покровительственно похлопал Джадию по плечу. В зал с улицы проскользнула служанка, красная, точно маков цвет, за ней начали заходить мокрые и довольные возчики.

Завтрак и сборы не заняли много времени, и вскоре телеги, грохоча и подпрыгивая, потянулись к западным воротам. Городок, чьего названия девушка так и не узнала, остался позади, вновь потянулся широкий, наезженный и мощеный тракт, обсаженный молодыми деревьями.

1. Мститель. Сейчас

Харек равнодушно смотрел на корчившегося над углями человека.

Храм, сложенный из огромных, в обхват бревен, догорал неподалеку, с той стороны веяло теплом и тянуло гарью. Шумели под ветром кроны деревьев, сегодня только с помощью магии спасенных от пожара.

– Прокля... проклятье вам всем! – прошипел человек и, изогнувшись, попытался плюнуть в своих мучителей, но попал себе на грудь.

Был он лыс, тощ и обнажен, если не считать грязной набедренной повязки. Антрацитовые глаза с расширенными от боли зрачками таили фанатичное, упорное безумие.

– Может быть, заклинанием попробовать? – спросил кутавшийся в плащ Митта-Мясо.

Он мерз, несмотря на то, что вокруг царила удушающая, влажная жара, обычная для Черных лесов. Было это следствием одной давней схватки, когда молодой еще маг выжил только чудом, и потерял кое-что из свойственного обычным людям.

– Бесплезно, клянусь задницей Вечного, – сказал Харек. – Он от них защищен. Попробуем иначе.

– Проклятый! Проклятый! – взвыл повешенный над углями, дергаясь и щеря гнилые зубы. – Как смеешь ты поминать его имя, как смеешь ты творить то, что творишь!

– Смею, поверь мне, – ответил Харек, принимая у Фарцига зазубренный нож, чье лезвие отливало фиолетовым.

И жрец Вечного, бывшего хозяина мира осекся, глядя в лицо наклонившегося над ним человека. Обычного на первый взгляд мужчины лет сорока с сединой в темных волосах и серо-стальными глазами.

Хранитель затерянного в недрах Черного леса святилища понимал, что в гости к нему явились не просто наемники. И еще он чуял в зазубренном клинке ядовитую, опасную силу, и эта сила жгла не тело его, а душу.

Фарциг поморщился, когда фиолетовое лезвие коснулось кожи, вошло в плоть, и брызнула кровь.

– Лучше скажи все сам, – попросил Харек.

– Нет... нет... – прохрипел жрец, и вдруг завизжал, точно поросенок, живьем насаженный на вертел. – Ойййййй... Нет... ваййййй... что ты творишь?.. Все скажу, только убери!

– Говори.

– Но что... ты... хочешь... знать? – повешенного над углями била крупная дрожь, глаза его вращались в орбитах, с губ летела пена, и это несмотря на то, что рана от зазубренного ножа получилась неглубокой.

Служитель Вечного поднял белый флаг, смирился с поражением.

Ведь мало кто устоит перед касанием Клинка Тьмы.

– Слово, положенное в основание твоего храма, – и Харек кивнул туда, где из груды углей выстреливали язычки огня, и неспешно тлело то, что недавно было стенами и кровлей.

Жрец так удивился, что на миг забыл о мучениях.

– Ты знаешь? – спросил он, подняв голову. – Но кто же ты? Вы знаете, кто он?

И лысая голова завертелась, взгляд побежал по лицам стоявших кругом людей... и не только людей.

– Наш наниматель, что платит щедро и без обмана, – проговорил Фарциг, убирая зазубренный клинок в ножны на поясе.

Невысокий и щуплый, он был весь увешан оружием – два меча, длинный и покорооче, метательные ножи, засапожник, пара топоришков... и это только то, что находилось на виду.

– Я тот, кто покончит с вами со всеми, сожри меня Хаос, – сказал Харек, и глаза его полыхнули ненавистью.

– Да... о нет, – прошептал жрец. – Ты сделаешь, да... и он не остановит тебя...

– Говори!

– Да, слово под основанием храма... – повешенный над углями старик закашлялся. – Он простит... Он простит... – из бесцветных глаз под седыми бровями побежали мутные слезы. – Огонь во рту золотого дракона.

– Он не врет? – Харек посмотрел на Митту.

– Говорит правду, по крайней мере, сам в это верит, – маг покачал головой, и серо-алое, лишенное кожи лицо его, в которое мало кто мог глядеть без содрогания, задергалось.

– Тогда пусть умрет честно, – Харек вытащил из ножен меч, обычный полторный клинок.

Лезвие вонзилось в грудь жрецу, тот выгнулся в последний раз и затих.

– И что дальше? – пробасил огромный орк, чьи клыки были подпилены, а мощную шею украшало ожерелье из высушенных, магическим образом уменьшенных черепов – людских, гномьих, гоблинских, имелся даже один эльфийский.

– Вы займетесь ужином, а я буду думать, – сказал Харек.

Тело хранителя святилища оставили там, где его пытали, а костер развели чуть в стороне, под сенью деревьев. Сходили за водой, поставили котлы над огнем, Митта замахал руками, ставя колдовскую защиту от летучих кровососов.

Над джунглями стемнело, резкие вопли дневных тварей сменились мягкими голосами ночных.

– Готово, можно жрать, – сказал Бирцэ, зачерпнув из котелка. – Харек, не заснул?

– Нет, божья срань, – и предводитель маленького отряда поднялся с бревна, на котором сидел.

Они поели, и только после этого он заговорил вновь:

– Дело, ради которого я вас нанимал, исполнено, и вы свободны идти куда угодно. Но я предлагаю вам новое.

– Где на этот раз? – спросил Фарциг, задумчиво почесываясь.

– Нам предстоит отправиться в Ревайн.

– Столица Тарегона? – на лице Бирцэ, гладком, несмотря на возраст, поднялись брови. – Хотя да, можно было догадаться, огонь во рту золотого дракона – герб этого сраного, но богатого королевства.

Полукровка, рожденный на границе Тегары и эльфийских лесов, он знал куда больше обычного рубаки, а еще клал десять стрел подряд в подвешенное на нитке колечко... с сотни шагов.

– А что там? – орк зевнул, показав, что все зубы, помимо клыков, у него целы.

– То же, что и везде, какое-нибудь святилище с безумными жрецами, которое нам нужно разрушить, а их всех прикончить, – проворчал Митта, сидевший у самого огня, так что языки пламени едва не касались его лица. – Или я не прав, а, скажи-ка, Одержимый?

Он один называл Харека по прозвищу, другие его если и поминали, то про себя.

– Да, ты прав, – спокойно ответил предводитель маленького отряда, но глаза его на миг странно блеснули.

– Но это далеко... через земли Ардила тащиться, потом как-то границу пройти, – протянул Деми, чернявый и смуглый умелец в обращении с самым разным оружием, – и в город проникнуть, а чужаков там не очень любят...

– Это не ваша забота, – сказал Харек. – Ставка обычная – вам задаток в фунт золота. Простым воинам – одна треть фунта. Столько же потом.

– Годится, – рыкнул орк, и на физиономии его появилась довольная улыбка.

– Пожалуй, и я соглашусь, – протянул Фарциг. – Не бросать же тебя вот так одного?

– И я... и я... – понеслось с разных сторон.

Харек кивнул – в ином ответе он не сомневался.

Здесь не весь отряд, только десятники и самые умелые из парней, когда либо продававших меч, топор или посох вместе с держащими его руками. Остальные ждут их возвращения на границе Черных лесов, куда неразумно соваться большой толпой.

Но они согласятся с тем, что будет решено здесь и сейчас.

Харек подтянул к себе дорожную сумку, одну из тех, что украшали спину его лошади. Когда запустил руку внутрь, раздался негромкий звон, и на свет костра начали один за другим появляться кожаные мешочки.

Первый достался магу, второй получил Бирцэ, третий схватил орк.

– Вот не раз я задавал себе вопрос, – сказал Фарциг, взвешивая на ладони доставшееся ему золото, – почему мы до сих пор не прикончили тебя и не забрали все, что ты возишь с собой?

Баргот аб Тарн усмехнулся, на лице орка появилось озадаченное выражение.

– А потому, что я вас выбирал, – ответил Харек, – и выбрал лучших.

– Ну и что? – Фарциг нахмурился.

– А лучший – это не всегда тот, кто быстрее всех размахивает острой железкой или мечет молнии. Ясно?

2. Герой. Пятнадцать лет назад

Страх, давивший на грудь Ардилу последние несколько дней, щедро замешанный на горе и тоске, стал еще более холодным и острым, когда он переступил порог родного дома. Закрывший дверь городской стражник похлопал мальчишку по плечу, обдав его густым запахом рыбы и винного перегара, и двое подмастерьев плотницкого цеха одновременно замахнулись молотами. Они снесут хибару, прилепившуюся к городской стене рядом с тем местом, где она заворачивает прочь от моря, а доски и все найденное внутри, в том числе и сапожные инструменты отца, пойдет в казну.

В Длиарне все просто – если не заплатил городу, должен расстаться с жильем.

На мгновение Ардилу захотелось развернуться, побежать туда, где прозрачные волны с шумом накатывались на берег, прыгнуть в них, и снова увидеть папу и маму, пусть даже в Мире Смерти. Но он сдержался, только всхлипнул, крепче сжал мешок с пожитками, и продолжил смотреть, как с грохотом и треском погибает то, что с самого рождения было для него домом.

В груди продолжала пульсировать ледяная боль.

– Ты иди уж, парень, – сказал стражник, поглаживая себя по блестящему шлему. – Нечего на это глядеть, ничего тут не останется и вообще... чего толку зря сердце рвать? Молись Сияющему Орлу, и он сохранит тебя, как сохраняет этот мир от гибели. Давай, – и мальчишке досталось древком копья по спине, так что он поспешно отбежал на несколько шагов.

Но не ушел, остался стоять, моргая, чтобы сдержать слезы.

Мор явился в дельту Хелдеза полгода назад, и поговаривали, что его наслали орочы шаманы. Но так или не так, он гигантской метлой в руках смерти прошелся по всем городам, от Торики до Длиарна, оставил тысячи трупов, которые кое-где некому оказалось убирать. Тогда в их нищем квартале, расположенном за пределами стен, и обычно именовавшемся «Дырой», умер каждый второй, и среди погибших оказался и папа.

А неделю назад Сияющий Орел призвал к себе и маму.

Ардил остался один – родственники у него если и имелись, то далеко, и он о них не знал, обитателям соседних хибар было не до чужого мальчишки, своих бы прокормить. Маму похоронили на кладбище для бедняков, что рядом с Желтым болотом, а поскольку денег, чтобы заплатить за погребение, у него не нашлось, то город забрал себе дом вместе со всем, что в нем отыскиали.

Стражник позволил взять лишь мешок с вещами, да и тот перетряхнул.

– Что, выгоняют тебя? – прохрипел старый Пардик, наблюдавший за работой подмастерьев с безопасного расстояния, и козлиная борода его затряслась, из нее полетела рыба чешуя и какие-то огрызки. – Я всегда знал, что так кончится, папка твой, он ведь не просто так тогда умер, они по заслугам получили, отродья Хаоса, гнусные заброды с запада...

И старик мелко захихикал.

– Ты облезлый дурак! – крикнул Ардил, повернувшись к Пардику. – Тоже умрешь!

Слезы хлынули ручьем, и мальчишка кинулся прочь, захлебываясь в рыданиях, не разбирая дороги, натываясь на людей. Словил затрепину, едва не раздавил взвизгившую псину, въехал лицом в мокрое и холодное, развешенное на веревках белье, но не обратил на это внимания, как и на визгливые крики его хозяйки, и очутился за пределами квартала, на берегу моря.

Равнодушное и спокойное, оно продолжало шуметь.

Ардил уселся на песок, бросив мешок рядом, и обхватив колени, и как следует выплакался. А затем он вытер лицо, умылся, и стал думать, что делать дальше – возвращаться в

Дыру нельзя, там делать нечего... будь у него хоть отцовы инструменты, он бы мог стать бродячим подмастерьем, но и их нет... идти в город? Туда не пропустят стражники в воротах, да и зачем?.. остается место, куда стекаются все, не имеющие жилья и гроша за душой... порт.

– Тот, кто делает, справится всегда, – вспомнил он любимую папину поговорку.

Вновь накатило желание заплакать, но он сдержался – все, хватит одного раза.

Надо идти, отыскать место для ночлега, пока не начало темнеть, и добыть чего-нибудь съестного, а то последний раз ел еще вчера, и в брюхе начинает посасывать. Поднявшись, Ардил зашагал в ту сторону, где поднималась над водой угловая башня, прозванная меж жителей Длиарна Пальцем, а за ней виднелись силуэты стоявших в гавани кораблей.

Раньше он всегда бегал на них смотреть, мечтал, что уплывет на одном...

А может быть, и вправду уплывет, попросится на судно к смуглым морякам с Отрезка или к одетым пестро и смешно торговцам из Вольных городов, они возьмут его с собой, и Длиарн исчезнет за горизонтом, и он вернется сюда через много лет, взрослым и богатым, и все ему будут завидовать, и старый Пардик, и близнецы из Козлиного Тупика...

Но для начала нужно пережить эту ночь.

Палец остался позади, начали попадаться причалы, к которым швартовались рыбацьи баркасы, маленькие, не уходившие далеко от берега, и мальчишка окунулся в вонь рыбьих потрохов. Ардил судорожно сглотнул, увидев, как с одного из корабликов сгружают корзины с уловом, и подумал, что никто не заметит, если стянуть пару-тройку селедин.

Ага, вот одна из корзин совсем близко...

Он запустил руку в шевелящуюся, поблескивающую массу извивающихся тел, и тут ухо ожгло болью.

– А что ты тут делаешь, гля? – проревели прямо над головой, и Ардил понял, что его держит огромный и страшный человек – голова точно горшок, повязана цветной косынкой, безрукавка открывает могучую волосатую грудь, а на широком поясе висит длинный нож. – Воруешь, гля? Знаешь, малявка, что бывает с теми, кто берет чужое, гля?

В Длиарне все просто – если украл и тебя поймали, то лишаешься руки.

– Но дяденька, я больше не буду... мне есть... – заканючил мальчишка, пытаясь вырваться, но с таким же успехом он мог трепыхаться в закрытой пасти акулы, а ухо, он почти чувствовал это, да, превратилось в смятый листок между сильными корявыми пальцами.

– Но я добр, я отпущу тебя, – сказал страшный человек, и отшвырнул Ардила прочь, как щенка.

Тот шлепнулся в склизкое и вонючее, и когда сообразил, что это куча рыбьих внутренностей, его едва не вывернуло, несмотря на то, что в брюхе ничего не было. Под хохот обладателя цветной косынки и его приятелей он поднялся, сходил к морю, чтобы сполоснуться, и побрел дальше, пообещав себе, что этому громиле он обязательно отомстит.

Страх и боль в груди чуть подтаяли, тронутые огнем злобы.

У следующего баркаса удалось стянуть камбалу, и Ардил поспешно отбежал прочь – ножик у него есть, осталось собрать деревяшек, развести огонь, разделать и пожарить добычу. К тому времени, когда на пустынном участке берега рядом с Пальцем запылал небольшой костерок, а рыба тушка оказалась насажена на палочку, стемнело, и со всех сторон надвинулся мрак.

Мальчишка сидел, глядя в пляшущие багровые языки и глотал слюни.

Слишком поздно сообразил, что к шуму волн присоединился другой равномерный звук – шорох шагов, затем ощутил, что рядом кто-то есть, и торопливо вскинулся, повернул голову. Трое вышедших к пламени пацанов постарше, лет двенадцати-тринадцати одновременно заухмылялись, а самый крупный, с носом репкой и темными кудрями, открыл рот:

– Э, что у нас тут? Девчонка рыбу жарит?

Ардил знал, что он мелкий и худосочный, что копна светлых волос и большие глаза делают его похожим на девочку, и еще он понимал, что против этой троицы у него нет шансов. Но он не собирался просто так сносить насмешки и отдавать честно «заработанный» ужин, благо ухо, побывавшее в пальцах громогласного моряка, болело до сих пор.

– А что у нас тут? – спросил он, подражая кудрявому. – Тупой тролль и с ним два гоблина?

– Ах ты, килька сраная! – прорычал репконосый, и ринулся на Ардила.

Тот попытался ударить первым, но получил в ухо так, что в голове зазвенело, покатился по песку, а когда вскочил, то из волос на лицо посыпались песчинки, под рубашкой закололо. Ярость накатила обжигающей волной, перед глазами все стало багровым, он вроде бы бросился на кудрявого... и вскоре обнаружил себя в темноте неподалеку от костра, понял, что нос разбит, на губах кровь, а мешка с вещами нет.

– Э, сготовилось, налетай, – донеслось с той стороны, откуда тянуло запахом жареной рыбы.

Мальчишка поднялся и побрел прочь.

На ночлег он устроился под большой корзиной, найденной рядом с первым из больших причалов, и подгреб под себя побольше песка, думая, что так будет теплее. Заснуть долго не удавалось, Ардил лежал, глядя в дырки между прутьев над головой, искал там знакомые звезды, и мечтал, как отомстит обидчикам, которых за один день набралось довольно много.

Проснулся он от холода, а выбравшись из-под корзины, окунулся в густой, будто сметана туман. Увидел, как баркасы отходят от берега, уплывают в дымку, в ту сторону, где из-за горизонта вскоре появится багровый, несущий тепло Ястреб Утра, и при мысли о вроде бы благом, но на самом деле равнодушном боге руки мальчишки непроизвольно сжались в кулаки, а сердце наполнила черная глухая злоба...

* * *

Тревожное ожидание коснулось души Ардила в тот момент, когда ладонь его сомкнулась на шершавом, еще теплом кольце бублика, и в животе сжалось, кишки вспомнили о том, что последний раз в них что-то клали еще вчера. Азарт заставил кожу покрыться мурашками, мальчишка услышал нервное сопение друзей и ощутил, как в коленях возник привычный трепет, признак того, что скоро придется драпать.

– Стой, держи засранцев! – рявкнул торговец, но они уже бежали, удирали врассыпную, и каждый тащил в руке усыпанное маком, сдобное сокровище, кусок хлеба, что позволит не умереть с голода хотя бы до завтра, а потом найти, заработать или утащить что-нибудь еще.

Ардил проскочил под телегой с сеном, промчался между двух палаток, где торговали глиняной посудой, и выскочил на Духовитый пяточок, прозванный так из-за вечного аромата пряностей. За год бездомной жизни мальчишка выучил рынок как собственную ладонь, и не только его, а и порт, и городскую стену, и нищие кварталы вдоль нее.

В центр он сунулся один раз, и едва удрал тогда от стражников.

С Духовитого пяточка в мясные ряды, где всегда полно народу... проскочить мимо Красного Быка, злобного мясника, чья морда напоминает коровью... поворот налево... и теперь можно пойти шагом, сделав вид, что этот бублик ты честно купил... хотя кто поверит, поэтому лучше шмыгнуть в укромный уголок за лавкой торговли целебными травами... тетушка Приятка женщина добрая, и не погонит, даже если наткнется на него здесь.

Вот тут Ардил и увидел сокровище.

Оно валялось на земле, и в полумраке мерцало золотыми искрами – продолговатый кристалл размером и формой с фалангу мизинца, не выглядевший драгоценностью, но при этом притягательный настолько, что от него не удавалось отвести глаз.

– Ух, чтобы мне облезть! – воскликнул мальчишка.

Наверняка это выронил кто-то из покупателей тетушки Приятки, и если он вернется, обнаружит потерю, то обязательно заберет. Ардил огляделся, быстро нагнулся и, схватив кристалл, оказавшийся приятно теплым на ощупь, спрятал его за пазуху, после чего откусил большой кусок от бублика и принялся его с независимым видом жевать – попробуйте, докажите, что он чего-нибудь взял?

Нет, взял, конечно, но не какой-то там камушек.

Отдышавшись, мальчишка спрятался за старой, полусгнившей бочкой, как следует разглядел «сокровище», и оно показалось еще прекраснее, чем в первый момент – яркое, с крохотными огоньками внутри, приятно лежащее в руке. Нет, это он не отдаст никому, даже если капитан их стаи потребует кристалл себе – панцирь от краба ему, пусть сам найдет.

Ведь это не добыча, что должна делиться на всех?

Год назад, во время Великого Мора, поразившего всю Дельту, Ардил остался без родителей, и сам едва не погиб – не от болезни, что получила название «серой коросты», а от голода. Добыть еду в Длиарне одинокому мальчишке, едва перевалившему рубеж десяти лет, оказалось непросто – весь город, каждая улица и куча отбросов была поделена между нищими и побирушками.

Но он уцелел, выжил, и прибил к одной из уличных стай.

За обыкновение впадать в ярость во время драки и бросаться на врага, не помня себя, Ардила прозвали Бешеным, и стали уважать. Он выучился жрать всякую дрянь, пробираться через стену там, где она не охранялась и обветшала, воровать все, что плохо лежит, искать ночлег в порту и на рынке, и он не забыл ни одной из обид, полученных в самые тяжелые первые дни после похорон мамы.

Он еще отомстит, припомнит всем, и так, что мало не покажется.

Дожевав бублик, он осторожно выглянул из-за бочки и, отряхнув руки, выбрался в переулочек, что ведет к мясным рядам. Проводил завистливым взглядом неведомо как забредшего сюда наемника с мечом у пояса – вот бы стать таким большим и сильным – и зашагал по рынку. Нужно вернуться к месту сбора вовремя, а то Псяка уши оборвет, будь ты хоть три раза Бешеным.

Их стая собиралась у кабачка «Пузатая блоха», что на Рыночной улице.

У хозяина заведения, старого гнома Викри, было с мальчишками что-то вроде соглашения – он их не гоняет и подкармливает, а зимой, в самые холода иногда и пускает ночевать, а они за это ведут себя тихо, к гостям не пристают, да еще и следят, чтобы чужие не шалили: кошельки не «щипали», драк не затевали, не пытались стянуть лошадь с коновязи или мешок с телеги.

– Ты последний, малек, – сказал Псяка, когда Ардил появился у «Пузатой блохи».

Прозвище капитан стаи носил за привычку по-собачьи скалить зубы и злой нрав. Было ему почти пятнадцать, он выглядел крупнее, чем иной мужик, и подумывал о взрослой жизни – о том, чтобы пойти вышибалой в один из кабаков в районе порта, или наняться матросом на корабль, где всегда нужны сильные, неприхотливые и смышленные парни.

– Ну да... – неохотно признал Ардил.

– А опоздавших наказывают! – пропищал Сардик-Голова, кривой, тощий и вечно покрытый прыщами, всегда таскавшийся за Псякой хвостиком, после чего мерзко захихикал. – Что, Бешеный, подставляй жопку, проверим, девчонка ты или только похож, хи-хи-хи! Малек!

Из дверей «Пузатой блохи» вышли двое краснолицых, пошатывающихся купцов, судя по одежде, с дальнего запада, из-за Овлейской пустыни, что делит весь мир пополам, и мальчишки примолкли. И только когда гости Викри, оживленно спорившие о чем-то и даже грозившие друг другу кулаками, скрылись за углом постоянного двора, перепалка возобновилась.

– Ты ответишь за слова? – спросил Ардил, надвигаясь на Сардика. – А ну-ка?

Понятно, что Голова сдрейфит, а Псяка вступится за свою «рыбку-прилипалу», но лучше получить по башке, чем струсить, промолчать, и признать, что ты и в самом деле «малек». Но капитан стаи лишь усмехнулся, наклонил голову к плечу, не спеша вмешиваться, и Ардил, чувствуя, что кровь вот-вот ударит ему в башку, торопливо предложил:

– Отойдем?

Да, Сардик старше и сильнее, но это не важно, зато он смелее, и он Бешеный.

Но Ардил забыл, что рыбы-прилипалы не плавают в одиночку, сделал еще шаг к Голове и запнулся об чью-то ногу. Шлепнулся на живот, по улице раскатился звонкий мальчишеский смех, а он вскочил, сжимая кулаки, и увидел ухмыляющуюся рожу Жирного Караса, толстого и ленивого пацана, «славного» тем, что он мог сожрать что угодно, даже падаль.

– Так, а это что? – спросил Псяка очень спокойно, а кто-то воскликнул «Ого!».

Ардил глянуло вниз, и увидел, что его «сокровище» выпало из-за пазухи.

– Это мое... – сказал он, уже понимая, что лишился находки, что такую чудесную вещь ему не отдадут, капитан заберет ее себе и продаст на рынке, а на полученные деньги купит пива или потратит в одном из веселых домов для матросов, где можно смотреть, как девчонки раздеваются под музыку, хотя непонятно, чего в этом интересного и за что тут платить?

– У нас все общее, малек, – Псяка нагнулся, но Ардил оказался проворнее.

Он нагнулся, и пальцы сомкнулись на кристалле, что сделался вдруг нестерпимо горячим. Странное ощущение возникло в центре живота – словно там напрягся мускул, какого раньше не было, возникло нечто подвижное, чем он мог шевелить, хотя никогда не догадывался, что у него есть эта штукавина, и что ей можно пользоваться.

Ардил поднялся, и сжал кисть, ощущая, что «сокровище» крошится в ладони.

Мир вокруг стал на мгновение очень ярким, его заполнили отдельные, не связанные между собой картинки: оскал на лице Псяки, виден каждый зуб, играет молочными бликами; вытаращенные глаза Жирного Караса, белые, как у вареной рыбыны; выезжающая из-за угла телега, на ней сидит возница в красной рубахе и зевает во всю пасть. Затем мальчишка задвигался будто сам по себе – непонятно зачем поднял левую руку и потряхнул ей.

Замер от удивления, когда с пальцев сорвалось черно-голубое облачко.

– Ой! – воскликнул Сардик, а облачко накрыло физиономию капитана и исчезло.

– Чо за хрень, малек? – рывкнул тот, и ударил, но вместо знакомого всем мощного выпада, после которого вверх тормашками летели самые крепкие пацаны, получилось лишь вялое, неуверенное движение, так что Ардил, боровшийся с собственной слабостью, только пошатнулся, и врезал в ответ, по уху, вложив в замах всю накопившуюся в сердце злость.

Сам еле устоял на ногах, но непобедимый доселе капитан осел наземь.

– Хрена се... – протянул Жирный Карась, и глаза его стали еще больше, чуть ли не с кулак каждый.

Ардил поднял руку и раскрыл ладонь, где вместо кристалла с искорками внутри осталась лишь черная пыль, напоминавшая сажу: сердце колотилось словно ненормальное, ноги дрожали, пот тек по лицу и спине, но он стоял, а Псяка лежал перед ним, ошеломленно моргал, держась за пострадавшее ухо, и в глазах его читались изумление и опаска.

Так смотрит матерый кобель на неожиданно показавшего зубы щенка.

– А я и не знал, что ты так умеешь! Здорово! Настоящая магия! – забормотал Кристоша, проталкиваясь в первые ряды зрителей: когда-то он был служкой в большом храме

Морского Орла, что у Старой площади, но его изгнали оттуда за воровство. – Отличное проклятие! Я когда еще в святилище телепался, видел, как главный жрец одного капитана проклял, и тогда...

Но его никто не слушал, все таращились на Ардила.

– Проклятие? – спросил Псяка, медленно поднимаясь и с уважением глядя на того, кого еще недавно именовал «мальком». – Ну ты, Бешеный, даешь... Меня как изнутри шарахнуло, и по голове, и в поддых, так что еле устоял, а перед глазами помутилось... Когда только научился?

– Я умею! – хвастливо заявил Ардил.

Новый «мускул», с помощью которого удалось проделать колдовской трюк, никуда не делся, он по-прежнему чувствовал его. Вот только бы еще осознать, как именно им пользоваться, что делать, чтобы он сократился... и при чем тут «сокровище», может быть без него ничего не выйдет? Лучше сделать так, чтобы попробовать еще раз в одиночку, а сейчас укрыть все за бравадой, пустить стае пыль в глаза.

– Ну, чисто осьминог... – протянул Кри-Святоша, используя наивысшую для мальчишек Длиарна похвалу. – Если такую штуку в дело пустить, когда мы опять с «мокрыми» драться будем, вот это отлично, или лавочнику какому глаза отвести, это я понимаю... – болтать он мог бесконечно, а еще знал множество историй, легенд и сказаний, за что бывшего служку и держали в стае.

2. Жрица. Девять лет назад

Дерево у ворот было старым, а ствол на самом верху – расщепленным, похоже, когда-то в него попала молния. Сами ворота, забор и здание за ними выглядели на редкость обыденно – простые доски, черепица и тесаный камень, решетки в окнах, несколько печных труб.

Джадия ощутила легкое разочарование и покосилась на отца – туда ли они приехали? Но Вариал аб Хонек ободряюще сжал плечо дочери, и уверенно постучал, так что створки качнулись на петлях.

– Сейчас, сейчас, – донесся противный дребезжащий голос, долетели шаркающие шаги, металлическое бряканье, и в приоткрывшейся щели обнаружился крохотный старичок в черном халате, неуловимо похожий на хищную птицу: брови вразлет, острый нос, пристальный взгляд.

Джадии стало очень страшно, захотелось спрятаться за отца, укрыться за его надежной спиной. Старичок улыбнулся ей, не размыкая губ, и вопросительно посмотрел на старшего из гостей.

Что творилось потом, девочка запомнила плохо – короткий разговор, затем их ведут внутрь, через огромный, заросший травой двор, в полутемной комнате происходит еще одна беседа, отец обнимает ее, коротко целует и велит быть смелой и стойкой, не посрамить честь рода.

И вдруг Джадия осознала, что осталась наедине с ужасным старичком, и что в комнате помимо того есть еще один мужчина, огромный и могучий, с повязкой на правом глазу и блестящей лысиной.

– Девчонка? – спросил он, глядя на нее оценивающе, как на лошадь для верховой езды.

– Зато какая, – отозвался старичок, и голос его прозвучал без дребезжания.

Это напугало девочку еще больше, захотелось убежать подальше от этих жутких людей, или позвать, чтобы папа вернулся. Но она вовремя вспомнила, что она не абы кто, а сама Джадия аб Хонек, до крови закусилла нижнюю губу и гордо вскинула подбородок.

А еще на память пришел день, случившийся полгода назад, когда она узнала, что вскоре покинет родной дом. Ее привели тогда к древней семейной реликвии – вышитом на шелке фамильном древе, что уходило на десятки поколений в прошлое, и начиналось во времена едва не легендарных.

– Смотри! – сказал тогда отец серьезно-нудным голосом, какой он использовал в торжественных случаях. – Твои предки были королями, они правили обширными землями, и враги трепетали перед ними!

Джадия это уже знала, чуть ли не с самого рождения ей прожужжали уши ее происхождением, благородством и древностью семьи. Но она слушала внимательно и терпеливо – понимала, что отец ничего не делает просто так, и что затевается нечто важное.

– Вот Факих Отважный, недруги страшились его имени, – продолжал отец, водя пальцем по толстому стволу и могучим ветвям, изображенным с помощью золотых и серебряных нитей, – вот Ирза Неудачник, он потерял корону и трон, но сумел бежать, сохранить жизнь, а это для свергнутого правителя не так-то легко.

Девочка с трудом могла представить, как можно потерять корону и трон – разве что жить в таком огромном дворце, где тысячи чуланов, и засунуть в один из них, там оставить и забыть.

– И пришли узурпаторы, и заняли то, что наше по праву! – глаза Вариала аб Хонек сверкали, он размахивал руками, а глядевшая на него мама время от времени всхлипывала, и подносила к глазам платок, хотя ничего грустного вроде бы не происходило.

– Ох, может не надо? – спросила она, когда отец заявил, что «пора возвратить трон и корону», на что получила предсказуемо гневный взгляд и сердитый взмах большой, тяжелой руки.

– Сейчас такое время, когда есть шанс вернуть утраченное, и им надо воспользоваться! – воскликнул Вариал аб Хонек. – Мы недостаточно богаты, чтобы нанимать армии, видит Темный Жрец, но кое-какие сбережения у нас есть, и ими мы распорядимся с толком.

Присев на корточки, он положил ладони Джадии на плечи и, назвав ее «дщерь моя», что делал очень редко, принялся рассказывать о какой-то «гильдии», куда девочке предстоит отправиться на учебу. Мама всхлипнула еще раз, а затем и вовсе отвернулась, точно пыталась скрыть недостойные благородной женщины слезы.

– Но я не хочу ни в какую «гильдию»! – сказала Джадия, когда отец замолчал.

– И мы не хотим, чтобы ты туда отправлялась, – очень мягко проговорил Вариал аб Хонек, ничуть не рассердившийся, чего девочка очень боялась, – но вспомни о том, кто ты есть, о фамильной гордости, и о том, что ты получишь, вернув то, что когда-то являлось нашим!

Да, Джадия не против была стать королевой – чтобы все ее слушались, красивое платье и корона, не нужно ничего делать, и каждый день, а не только по праздникам можно есть любимые пирожные. Но она не желала покидать дом, оставлять подружек, маму, привычные игры, и уезжать неизвестно куда, и, похоже, что в другой город.

– Нет, не хочу, – повторила она, и даже гневно топнула, что очень редко позволяла себе в присутствии отца.

Но он вновь не рассердился, его голос не стал холодным, как осенний ветер. Вариал аб Хонек заговорил о том, что она в любом случае будет вынуждена подчиниться, ибо таково веление самого Темного Жреца и его сестер, и вот тут-то девочка охнула и прижала руки ко рту.

Тем же вечером ее отвели в храм, не тот, куда они ходили вместе с соседями, с золотым диском на крыше, где толстый жрец с блестящей птицей на груди нараспев читал что-то, в а другой, тайный, о котором воспрещалось кому-либо говорить, и где бывали очень немногие.

Там в чаше вечно пылает Черный Огонь, и старый служитель, чьи волосы давно побелели, а спина согнулась, читает в нем знаки, посланные Темным Жрецом и его сестрами, чьи лики скрыты от смертных.

– Да, ей надлежит пойти этим путем, и взять в руки то, что пресекает нить, – проскрипел он, окунув руки в пламя, по цвету напоминавшее крылья ворона. – Благословение их с тобой, девочка, и взгляд их будет на тебе.

С этого дня игры с кинжалом и метательными ножами стали проводиться не через день, как раньше, а ежедневно. Джадию начали поить какой-то черной сладкой дрянью, от которой ныло все тело, особенно в животе, а еще много чаще, чем раньше, вывозить на прогулки верхом.

А неделю назад девочка забралась в седло, но не для того, чтобы выехать за пределы родного Локерна и сделать несколько миль по ближнему лесу. Плачущая мама осталась позади, а они с отцом и двумя слугами отправились по той дороге, что ведет за пределы не только города, но и всего Прихолмья.

И в конце-концов Джадия очутилась в комнате с двумя жуткими мужчинами, огромным и старым, что пялятся и пялятся на нее, точно она невиданной красоты бриллиант или еще какое диво.

– Малышка, подойди сюда, не бойся, – велел обладатель повязки на глазу, поманив ее к себе, но в голосе его, несмотря на ласковое обращение, оказалось меньше тепла, чем в куске льда.

– Я не боюсь! – ответила Джадия, еще выше вздергивая подбородок.

– Горда и упряма, но врать не умеет, – старичок задумчиво потер подбородок. – Подойди к мастеру Нарди, пигалица, не стой, ведь за строптивость у нас наказывают. Папа тебе рассказывал, куда ты попадешь?

Отец всю дорогу, на каждой остановке не переставая говорил о том, что за редкая удача – попасть в школу гильдии, где ей предстоит освоить необычное и нужное ремесло, что там она научится тому, что не только позволит ей устроить свою жизнь, но и вернуть трон предков.

– Рассказывал, – вздохнула девочка, делая шаг к гиганту, которого называли «мастером Нарди».

Он протянул ручищу и необычайно осторожно, медленно и мягко ощупал ее плечи, заставил нагнуть голову и дотронулся до шеи. Прикосновения не оказались неприятными, чего Джадия боялась, от большой ладони шло успокаивающее тепло, а по спине бежали мурашки.

– Сильная, жилистая и тренированная, – заметил Нарди, – есть с чем работать.

– Это да... да, – старик наклонил голову к плечу, и еще сильнее, чем в первый момент, стал напоминать хищную птицу, сокола или пустельгу, готовую броситься на добычу и вонзить в нее когти. – Вот только я чувствую в ней некую странность, и надо бы показать ее мастеру Варгривзу, так, на всякий случай.

– Зачем? – спросила девочка.

– А ты, пигалица, теперь будешь открывать рот лишь тогда, когда тебе позволят, понятно? Таково первое правило нашей школы, и того, кто его нарушит, ждет быстрое наказание.

Джадия не поняла, что сделал старичок, но он очутился рядом, что-то вроде бы скользнуло по ее предплечью, и по руке стегнула такая боль, словно ее окунули в кипяток. Рот открылся для крика, но девочка сдержалась, хотя из глаз брызнули слезы – нет, она не заорет, она из аб Хонекон, и у нее в предках целая куча королей.

– Молодец, малышка, – мастер Нарди, наблюдавший за ней, одобрительно кивнул. – Пошли, покажем тебя нашему чародею, он посмотрит, нет ли на тебе какой колдовской дряни.

Маг оказался молодым, но бледным, как подземный гриб – светлые волосы, белая кожа, блеклые глаза. Оглядев Джадию с непонятым отвращением, он поводит вокруг нее длинным посохом с черным камушком на вершине, а затем тонким, бабьим голосом сообщил:

– Она здорова, нормально развита, ее поили алхимическими эликсирами, что увеличивают выносливость, обостряют зрение и ускоряют реакцию, но делал это мастер, так что все в порядке, следов негативного магического вмешательства я не вижу, амулетов при себе не имеет.

– И все же что-то с этой пигалицей не так, провалиться мне в пасть Хаоса, – заметил старичок, которого и одноглазый Нарди, и бледный Варгривз именовали мастером Чако, и задумчиво воззрился на Джадию.

Ей захотелось сказать «Все так! И хватит на меня тарашиться!», но она запомнила правило номер один и то, как наказывают за его нарушение, и поэтому смолчала. Только отвернулась, чтобы не смотреть в острые, молодые глаза под тонкими седыми бровями.

– Иди за мной, – сказал мастер Нарди, – я покажу тебе помещение.

Девочке досталась крохотная комнатка на втором этаже, и внутри обнаружились ее вещи, привезенные из дома – крохотный тючок, в нем никаких красивых платьев и игрушек, только то, без чего нельзя обойтись. Вспомнила, как отчаянно плакала, когда выяснилось, что любимые вещи придется оставить.

– Здесь ты будешь жить, – мастер Нарди подошел к окну, откуда открывался вид на задний двор, заполненный деревянными щтуковинами необычного вида. – Нужное место на

первом этаже, в конце коридора, если хочешь, могу показать дорогу. Обучение начнется с завтрашнего дня, а ужин – по сигналу колокола.

* * *

Колокол звякнул протяжно и гулко, и Джадия торопливо вскочила с кровати. Ополоснула лицо водой из тазика, ежась от холода, и принялась расчесывать волосы. Жаль, что ей не разрешили постричься коротко, как мальчишкам, да еще и велели ухаживать за шевелюрой, чтобы та выглядела красивой.

Уложив косы вокруг головы, выскочила в коридор и вихрем сбежала по лестнице. Оказалась последней в коротком строю из пяти учеников, но успела занять место до того, как мастер Нарди вышел во двор.

– Никто не опоздал, даже обидно, – произнес он, шуря единственный глаз, и в голосе его прозвучало напускное разочарование. – Пожалуй, стоит отправить вас на усиленную разминку, и вообще сделать так, чтобы вы посильнее устали, и завтра кто-нибудь проспал.

За полгода в школе гильдии Джадия успела хорошо узнать наставников, и поняла, что наиболее опасный здесь – Чако, а Нарди, несмотря на суровый вид, громкий голос и угрозы, на самом деле безобиден. Но неприятности ученику мог устроить любой, а всякое непослушание или нерадение вызывало жестокую кару.

– Ладно, побежали, – велел мастер, и они действительно побежали: вокруг дома, вдоль забора, первый круг так, второй – с металлическим поясом, третий и четвертый – еще и с мешком, набитым камнями, на плечах, а остальные шесть – в тяжелом шлеме, мешавшем даже дышать.

На десятом Джадия хрипела и сипела, а из-за попавшего в глаза пота ничего не видела перед собой. Мешок тяжело колотил по спине, грозя переломить позвоночник, а камни в нем глухо рокотали.

Но все же, когда ей поставили подножку, девочка ухитрилась сжаться, и не полетела кувырком, а перекатилась. Больно ударилась головой, едва не вывихнула шею, но вскочила на ноги и, развернувшись, врезала туда, где должна находиться голова того, кто ее повалил.

Костяшки мазнули по чьему-то носу, раздался недовольный вскрик, и по голосу Джадия определила, что это Вирак, лопоухий и смуглый парень. Уклонилась от возможной контратаки и замахнулась, чтобы наподдать подлещу еще разок, но тут ее схватили за руку.

– Достаточно, – сказал мастер Нарди очень мягко. – Ты нарушила правила, но исполнила все настолько правильно, что я тебя прощаю, а вот ты, малыш, сделаешь четыре дополнительных круга...

Она была здесь единственной девчонкой, но это не давало преимуществ, наоборот, создавало проблемы. Мальчишки насмехались над ней при каждом удобном случае, норовили устроить мелкую пакость, так что приходилось постоянно находиться на чеку, ждать удара с любой стороны.

– Да, наставник, – пробурчал Вирак, опуская черноволосую голову: четыре дополнительных круга не отменяют прочей разминки, а это значит, что он, скорее всего, останется без завтрака.

И пока остальные возились на перекладине и брусках, и упражнялись с камнями, он продолжал носиться вдоль забора. Тот огораживал принадлежащий гильдии участок земли, и был довольно длинным – ученики как-то померили, и у них вышло немного больше, чем миля.

Обитатели соседних деревень полагали, что в пределах глухой и высокой ограды расположена небольшая ферма, и мастера всячески поддерживали это убеждение, они даже пла-

тили местному барону подати. Имелись пастбища, сейчас, поздней осенью, голые и пустынные, и хлев, где для отвода глаз содержали нескольких коров.

– Продолжай, пока все сам не закончишь, – велел мастер Нарди, когда тяжело дышащий Вирак не завершил четвертый круг и не принялся избавляться от груза. – Остальные – за мной.

В трапезной ученики появлялись не только для того, чтобы поесть, их учили готовить из чего угодно и что угодно. Они дежурили по очереди, и каждый под присмотром мастера Варгривза, оказавшегося еще и поваром, управлялся с котлом, сковородками и разделочной доской.

Вспомнив, что сегодня очередь Утрака, тощего дылды, Джадия поморщилась – мало того, что все блюда окажутся пересолеными и подгоревшими, так еще и завтра предстоит кухарить ей, а это значит, что вставать до рассвета, намного раньше прочих, колоть дрова, топить печь... бррр.

В трапезной ждали остальные наставники – мастер Чако в неизменном черном халате, мастер Дирваех, мастер Варгривз и поддельный хозяин фермы, мастер Дрот, жизнерадостный розовощекий толстяк.

Еда оказалась не так плоха, но после завтрака пришлось тащиться к Дирваеху, в темную комнату на первом этаже, где в шкафах и сундуках хранились книги, свитки и таблички, а места для ученических столов было очень мало. Вирак, только покончивший с разминкой, явился прямо сюда, и бросил на Джадию ненавидящий взгляд.

– Итак, друзья мои, – произнес наставник, глядя на четырех мальчишек и одну девочку поверх аристократического носа, наверняка имевшего среди предков не только королей, но и кого покруче. – Кто готов рассказать мне о гербах с территорий, занимаемых королевством Тегара и княжеством Орат, иначе говоря, Среднего Запада?

Мастер Дирваех забивал их головы всякой ненужной, на взгляд Джадии, требухой – обычаями диких орков и грязных гоблинов, повадками чудовищ вроде василисков и грифонов, правилами рыболовства на Радужных островах и торговыми уставами свободных городов; ныне он терзал их геральдикой.

Отвечать досталось Сати, маленькому и молчаливому парнишке родом из Дельты. Потом вызвали Вирака, и ему достался вопрос насчет того, как формируются гербы бастардов в разных частях мира. Джадии выпало рассказывать о цеховых значках, и пришлось хорошенько вспотеть, чтобы вспомнить их все.

Наставник был неумолим, он требовал абсолютной точности, и малейшая ошибка приводила к тому, что приходилось отвечать заново. Ученики это знали, и по вечерам, перед сном, зубрили до изнеможения, до того, что закорючки какого-нибудь гоблинского алфавита начинали являться по ночам.

– Ну что же, можно сказать, что мы на сегодня закончили, иначе говоря, вы свободны, – сказал мастер Дирваех, когда время подошло к полудню, а вчерашнее задание сменилось новым, столь же объемным и сложным.

Слово «свободны» означало лишь то, что ученикам предстояло перебраться в подвал, туда, где царил мастер Варгривз, а изучались вещи несколько более интересные – как готовить и смешивать яды, как их применять, какие есть одурманивающие и веселящие травы и минералы.

На данный момент, после шести месяцев занятий, Джадия смогла бы соорудить убийственную отраву из того, что можно купить на обычном рынке, и сумела бы прикончить эльфа, если бы остроухий дал ей возможность подойти на секундочку к своей тарелке.

– Ну что, сегодня мы проверим, на что годятся ваши эликсиры из разряда быстрой смерти, а для этого мы испытаем их на живых существах, во многом схожих с человеком, –

вещал наставник тонким голосом, прохаживаясь вдоль стены, а на его столе хрюкали в клетке пять розовых поросят.

Вылитая из пузырька Утрака жидкость сделала воду в блюдечке светло-сиреневой, и свин, понюхав, отказался ее пить – неудача, жертва не должна почуять изменения вкуса или запаха. Состав Сати оказался бесцветным, а отведавший его поросенок сделал два шага и рухнул, из пасти животного полезла пена.

Джадия вспомнила, как ей было плохо, когда она в первый раз увидела чужую смерть – мастер Чако хладнокровно убил собаку, обычного лопоухого песика, запросто перерезал ему глотку так, что кровь хлынула потоком. Мальчишки тогда дружно побледнели, Вирак не выдержал, отвернулся, а перед глазами у девочки помутилось.

Ее привели в себя, и заставили собственной рукой лишить жизни следующую собаку. На крики, визг и протесты никто не обратил внимания, ее наказали, и так жестоко, как не наказывали никогда больше.

Затем Джадия привыкла не только без содрогания глядеть на чужую смерть, но и на то, как отлетает чужая душа в результате ее собственных усилий, тычка ножом или попавшей в цель метательной иглы.

– Очень хорошо, – в устах мастера Варгривза эти два слова были высшей похвалой. – Теперь посмотрим, чего добились наша леди... так, он пьет, но почему-то не собирается умирать, хм, занятно.

Поросенок все-таки сдох, пусть и не сразу, но для эликсира из разряда быстрой смерти это считалось большой неудачей, так что убирать подвал после урока пришлось Джадии на пару с Утраком. На обед они не успели, и отправились прямиком на занятия к мастеру Чако.

Старичок в засаленном черном халате учил их тому, как устроен человек, и не только человек. Они узнавали, где находятся уязвимые точки на шее у орка, как, если надо, быстро усыпить гнома, и в какое место колоть, если понадобится лишить жизни людоеда.

Мальчишки и девчонка потрошили трупы, свежие, едва затронутые разложением. Где доставали их наставники, оставалось загадкой, но один раз на стол попал настоящий эльф, с дивными серебристыми волосами, удивленно раскрытыми синими глазами и жуткой раной на шее.

Практиковались друг на друге правильно накладывать удавку, нажимать туда, где у человека находятся слабые места, и по очереди падали в обморок под одобрительным взглядом мастера Чако.

– Вы должны для начала знать, потом уметь, и только затем делать, провалиться мне в пасть Хаоса, – любил приговаривать старик, потирая гладко выбритый подбородок. – Понятно?

Сам он умел вещи, непосвященным казавшиеся магией – легким прикосновением усыпить человека на несколько минут так, что он останется стоять и не вспомнит о том, что спал, причинить невыносимую боль, только дотронувшись пальцем, и парой тычков вернуть силы в ослабевшие мышцы.

Совершенно иначе проходили занятия у мастера Нарди, для которых был отведен просторный загон. Под ногами тут шуршала солома, хоть как-то предохранявшая при падениях, а на загородке висели мишени, и круглые, и изображавшие человеческий силуэт с разных сторон.

– Вы не паладины в сверкающих доспехах! – рычал одноглазый наставник, потрясая ножом, что выглядел крошечным в его лапищах. – Вы не должны сражаться, вы обязаны делать свое дело быстро и по возможности незаметно, и поэтому... беритесь за работу.

И оставались на пальцах мозоли от метательных игл, ныли мышцы от упражнений с арбалетом и кинжалами. Ночами синяки порой болели так, что Джадия не могла заснуть,

никто не смотрел, что она девочка, и ей доставалось не меньше, а иногда и больше, чем мальчишкам.

Сегодня у мастера Чако все прошло легко, зато из загона она еле вышла, а на правой коленке появилась здоровенная ссадина. На ужине едва не заснула, лишь в последний момент удержалась от того, чтобы не свалиться лицом в тарелку с бобовой похлебкой, и испуганно оглянулась – только бы никто не заметил!

Оказавшись у себя в комнате, Джадия облегченно вздохнула – до утра она принадлежит сама себе, до пробудки ее никто не потревожит. Прислушавшись, нет ли кого в коридоре, она задула свечу, опустилась на колени и начала молиться, еле-еле выговаривая слова.

Темный Жрец и его сестры – ревнивые боги, о них нужно вспоминать как можно чаще. Но что самое главное – они тайные боги, и о том, что Джадия аб Хонек и ее родители поклоняются им, не должен знать никто из людей, не прошедших через причащение Черным Огнем.

Девочка шептала фразы выученной в детстве молитвы, вспоминала дом и родителей, чьи образы с каждым днем становились все более тусклыми в памяти, а в окно царапался холодный осенний дождь.

2. Мститель. Восемь лет назад

Когда молния сорвалась с руки Старого Ахти и беззвучно растворилась в сумраке, Харек крепче сжал рукоять меча.

– И точно, не ахти какой призрак-то, – сказал маг, почесывая длинный нос.

– Готов? – спросил Бирцэ, державший на тетиве не обычную, а зачарованную стрелу.

– В пыль, в туман, – маг уверенно кивнул, и поглядел на Харека. – Куда дальше?

– Тут один путь, – ответил тот, и пошел вниз по стершимся ступеням из темного камня.

Лестница закончилась коротким коридором, ну а тот привел в маленькую сырую комнату. В противоположной от входа стене обнаружилось отверстие, слишком маленькое, чтобы в него пролез человек, а за ним – непроглядная тьма.

– Ну и дела творятся... – только и буркнул Старый Ахти, заглянув в него, и даже забыл любимую присказку. – Если раньше я, ахти говоря, считал, что ты привираешь, то теперь поверю во что угодно.

Харек ничего не сказал – ему было все равно, кто что думает насчет его рассказов.

– Но мы тут пройдем? – спросил Фарциг, нервно оглядываясь и щупая рукояти металлических ножей.

– Попробуем, – ответил Старый Ахти. – Эй, Митта, подойди, будем думать.

Второй маг, что прятал лицо под капюшоном, а с теплым плащом не расставался даже в жару, приблизился к первому, и они принялись оживленно спорить, размахивая руками.

Харек поглядел на них, и присел к стене... надо отдохнуть, пока есть возможность.

В камеру поместилось всего четверо, прочие остались на лестнице, но там царила полная тишина. Тут собрались опытейшие наемники, самые умелые воины земель, лежащих к западу от Овлейской пустыни.

Такие не будут нетерпеливо ерзать или лезть вперед без приказа.

– Ну, хм, мы сейчас попробуем, – сказал Ахти, засучив рукава и взяв посох, как булаву. – Давай, Митта, как я скамандую, переводи энергию в сторону, как-нибудь сдюжим.

Хареку это «как-нибудь» очень не понравилось.

Старый маг зашептал, помахивая посохом из стороны в сторону, точно отгоняя им комаров. Молодой встал, вскинув руки, и капюшон задрался, обнажив жуткое, лишенное кожи лицо.

Тьма в отверстии зашевелилась... вроде бы ничего в ней не изменилось, но показалось, что поплыли черные клубы, замигали где-то в невообразимой дали холодные маленькие звезды.

А затем стена, сложенная из серых каменных глыб, лопнула.

Харек успел только вскинуть руку, а его ударило и потащило по холодному и шершавому. Почувствовал во рту вкус крови, приложился затылком так, что из глаз полетели искры, а зубы лязгнули.

– Задница Вечного... – выдавил он, сообразив, что сидит там же, где и сидел.

Стены и вправду не было, на ее месте появился коридор с высоким потолком. Старый Ахти исчез, от него остались дымящиеся сапоги, из правого торчал огрызок ноги до колена.

– Чтобы меня в жопу тра-тра-трахнули, – сказал Фарциг, обалдело крутя головой. – Какого Хаоса?

– У нас получилось, но не совсем удачно, – проговорил Митта слабым голосом. – Или я не прав?

Он неожиданно засмеялся, и упал навзничь, прямо, точно подрубленное дерево.

– Харек! Харек! Ты где? Цел? – в комнату из коридора заглянул Бирцэ... синие глаза вытаращены, по физиономии плывут алые пятна, различимые даже под щетиной. – Что произошло?

– Не знаю, – ответил Харек, поднимаясь на ноги. – Что там у вас?

По тем, кто оставался на лестнице, чародейство ударило не слабее, чем по находившимся в комнате. Погибли трое – Йошка Снежный лишился головы, а от Вигги сохранилась только правая часть тела, словно его разрубили пополам.

Но что странно – крови из трупов вытекло совсем мало.

– Может быть, отступим, пока не поздно? – спросил Бирцэ, нервно оглядываясь. – Хотя да, мы зашли слишком далеко, забрались туда, где Древние не ночевали, и давать драпака после этого...

Харек сделал вид, что не заметил приступа малодушия, одолевшего давнего соратника. Он повернулся туда, где продолжал валяться на полу Митта-Мясо, и резко скомандовал:

– Приведите мага в себя! Он у нас один остался. Не хватало еще и этого лишиться.

Чародея вернули в чувство, вылив на голову целую фляжку воды, и он даже сумел встать на ноги, но еще некоторое время тряс башкой и моргал, точно не понимал, где находится.

Если Митта-Мясо рехнется или погибнет, им придется отступать, это Харек понимал... слишком опасно то, что ждет их глубже, чересчур рискованно соваться туда.

– Ну, сожри ты Хаос, ты готов? – спросил он, спиной чувствуя дующий из недр подземелья холодный ветерок.

По коже побежали мурашки, в сердце шевельнулась давняя, но не остывшая ненависть, зачесались шрамы, оставшиеся после прошлого спуска в эти катакомбы. Нет, даже если колдун отдаст концы, он, Харек, пойдет дальше, в одиночку доберется до цели.

– Да, можно идти, – Митта встряхнулся, будто вылезший из воды гусь, и сделал довольно уверенный шаг.

Они миновали помещение, возникшее на месте Зала Тьмы, и очутились перед воротами из камня, гладкого, словно металл, такими высокими, что через них проехала бы осадная башня.

– Закрыто, – сказал Фарциг, потрогав створки, и в голосе его прозвучало огорчение. – Кто запер?

– Местный хозяин, – ответил Харек. – Рирдир, твоя очередь.

Вперед протолкался мощный седобородый гном, вооруженный шестопером. Брякнул его мешок, и из темной горловины начали являться инструменты, простые и сложные, но все невообразимо искусно сделанные.

– Так, поглядим-поглядим, прокляни меня Игрдан, – прошептал Рирдир, слывший лучшим взломщиком на всем побережье Узкого моря, и приложил к одной из створок слуховую трубочку.

В ход пошло нечто с большим количеством зубчиков, затем тонкое сверло, и на бородастой физиономии появилась хитрая ухмылка. Наделав в воротах дырок, гном вооружился молотком и зубилом, и принялся, насвистывая, откалывать куски камня.

– Внутренний засов, да еще наклонный, – объяснил он любопытному Фарцигу. – Плевое дело, вот увидишь.

Вопреки собственным словам, провозился Рирдир долго, кое-кто из наемников даже успел подремать. Но даже спавшие крепким сном вскочили на ноги, когда взломщик не без самодовольства объявил:

– Все, прокляни меня Игрдан!

– К стенам, – велел Харек. – Митта, поставь щит, а ты, борода, открывай.

То, что пряталось за воротами, могло устроить им какую угодно неприятную штуку. Там крылась сила, рядом с которой мало чего стоили умения любого из магов, топчущего сейчас землю.

Вся надежда на то, что сила эта наполовину спит, наполовину мертва.

Огромные створки разошлись бесшумно, защитное заклинание, растянутое Миттой поперек коридора, заколыхалось, будто хитрый светящийся парус на переменном ветру. Сам маг вытарашил глаза и сделал знак Когтей.

В центре небольшого зала торчал кубический камень, на нем покоилось огромное сердце из багрово-черного камня, а купол потолка украшали драгоценные кристаллы, многочисленные, как звезды.

– Оооо... – протянул Рирдир, борода его встала дыбом, а глаза алчно блеснули.

– Оно живое! – истово выдохнул Митта, а Харек ощутил, как в лицо ему потянуло ветром, но уже горячим.

Да, тот, кто в прошлый раз приветствовал «гостей» кровавыми, яркими видениями, сейчас был слаб, как пьяный кролик, и не мог даже пугать... ничего, теперь час того, кто раньше выступал в роли жертвы.

– Это надо разбить, – сказал Харек, сжимая кулаки.

– Да ты что? – воскликнули маг и взломщик в один голос.

– Такую красоту! – добавил Рирдир.

– Это средочие невероятной силы... или я не прав? – пробормотал Митта.

– Если вы боитесь, я сделаю это сам, – Харек сунул меч в ножны и протянул руку. – Где твой молоток?

Его вела холодная, спокойная ярость, и он знал, что ему по силам совершить подобное, что тот, кто некогда правил миром и построил это подземелье, не сумеет помешать.

– Это может быть опасно... ты что, одержимый? – несмело сказал Митта, кусая и так окровавленные губы.

– Можете вернуться на лестницу. Или уйти наверх, – Харек взял молоток, и, не обращая внимания на соратников, пошел туда, где на постаменте чуть заметно пульсировало каменное сердце.

Замахнулся и вложил в удар всю ненависть и жажду мести.

Сам не услышал ничего, но краем глаза увидел, как зажал уши Рирдир, как пошатнулся и сгорбился Митта. Снизу, с неизмеримой глубины прикатился тонкий, пронзительный вой, полный злобы и боли.

– Дело сделано, – сказал Харек, когда вой стих. – Идем дальше!

– Ну точно, одержимый, – маг, по лицу которого текли капли крови, покачал головой.

Но он не слушал, он швырнул молоток гному, и пошел туда, где ждали очередные каменные створки, на этот раз украшенные огромными уродливыми символами. Эти распахнулись сами, и они очутились в длинном зале, уставленном стеллажами с книгами.

Митта наверняка задержался бы здесь, но Харек шагал дальше, словно его несло ураганом – через громадную библиотеку, через Зал Прозрения, где пол, стены и потолок покрывали квадратные плитки.

Открылись новые двери, на этот раз обычного размера, а то, что обнаружилось за ними, породило дружный восхищенный вздох.

– Прокляни меня Игрдан! – Рирдир принялся жевать собственную бороду, а Фарциг даже упал на колени.

– Я брежу?! – воскликнул Бирцэ.

Статуи вдоль стен, большие, в рост человека, и судя по желтому маслянистому блеску – из чистого золота. А на стенах картинки, искусно выложенные с помощью тысяч драгоценных камней – алмазов, изумрудов, рубинов.

– Это награда, – сказал Харек, когда восторженный гул стих, и взгляды обратились на него. – А впереди – дело. Мы должны уничтожить здесь все, что возможно. И помните о ловушках...

3. Герой. Сейчас

Распахнулись огромные, украшенные позолотой двери, и восхищение тронуло сердце Ардила, зазвучало внутри подобно струнам огромной арфы, отчего завибрировало все его существо. В тронный зал начали один за другим заходить вооруженные мужчины в доспехах, десятки взглядов обратились на него, сидевшего на исполинском троне из цельной глыбы горного хрусталя, окруженного могучими гвардейцами в тяжелой сверкающей броне.

Явившиеся сюда капитаны наемных отрядов должны понять, что они будут служить не просто маленькому человеку со светлыми волосами, а скрывающейся за ним мощи, что превышает любого смертного, превышает их всех вместе взятых. Для этого и предназначен зал с потолком, поднятым на высоту в сотню футов, свисающие со стен знамена с гербом Нового Бога, и прочая мишура...

Сам Ардил вполне обошелся бы обычной комнатой, но положение обязывало.

– А ну-ка начинаем, – негромко, так, чтобы никто больше не услышал, велел он расположившемуся перед тронном командиру Серебряных Крыльев, тот расправил и так широкие плечи, затрепетал в толстых пальцах длинный свиток, украшенный тем же гербом – синее перо, наполовину погруженное в белоснежное облако, и по залу раскатился мощный голос, предназначенный для того, чтобы перекрывать рев битвы:

– Ражвиз из Оратира!

От группы капитанов отделился один, невысокий и узкоплечий, с седыми волосами и молодым лицом. Зашуршал по полу длинный плащ, командир роты «Стальные Лисы», остановившись перед тронном, коротко поклонился и поглядел в лицо Ардилу даже с некоторой лихостью.

И он имел на это право – его воинов знали все, и продавались они недешево.

Ардил рассматривал капитана, не произнося ни слова, и думал, что этот парень вместе с тысячей бойцов обойдется его казне в круглую сумму, но оно стоит того. «Стальные Лисы» покрыли себя славой ни в одном сражении, и никто никогда не слышал, чтобы они изменили заказчику или побежали.

– Приветствую тебя в Гардзе, – сказал он после паузы.

– И я рад приветствовать повелителя, – голос у капитана оказался хриплым и каким-то шершавым.

– Все ли вы обсудили с достойным доверия Фугом аб Крихолменом? – сам Ардил находится слишком высоко, чтобы решать такие вопросы, как оплата наемникам, их размещение, этим занимается сенешаль, но заботу о тех, кто будет сражаться под его командой, он показать должен.

– Воистину так, – отозвался капитан. – Осталось подписать договор и дать клятву Стальной Лисы.

– За этим дело не станет, доблестный воин, – Ардил небрежно пошевелил кистью, и рядом с тронном объявился согнутый в поклоне писец. Не поднимая головы, подал свиток и крохотную чернильницу с гусиным пером, почти таким же, как на гербе Нового Бога. – Во имя Незримого Хранителя, Верховного Блага я нанимаю тебя, Ражвиз из Оратира, и твоих людей...

Подпись завитушкой легла на пергамент, писец торопливо приложил печать и посыпал песочком, а в зале вновь зазвучал голос капитана «Стальных Лис», произносившего хорошо известную всем клятву – служить верой и правдой под взором Сияющего Орла, обнажать меч и прятать его по приказу, не вести сношений с врагами нанимателя и не отступать на поле боя.

Затем Ардил кивнул, и седовласый предводитель вернулся к остальным.

– Карид из Эден’Тори! – объявил командир Серебряных Крыльев.

Загромыхало так, словно в атаку двинулся отряд рыцарей в плохо подогнанном снаряжении, и из задних рядов вперед выбрался гном. «Да, придется попотеть, – подумал Ардил, глядя в широкое, обветренное лицо, в маленькие, спрятавшиеся под кустистыми бровями глаза, – бородатые нелюди своего никогда не упустят, а клан с запада Снежных гор славится не только воинским умением, а еще и упрямством».

А еще они признают только устное слово, но держат его мертво.

– Слава владыке! – гаркнул Карид, и кулак его с грохотом ударил по нагруднику.

К тому моменту, когда гном отошел от трона, хозяин замка Гардз очутился на самой грани опасной ярости – пришлось слушать длиннейшие требования и торговаться за четвертушки. Поэтому когда капитан не очень известной роты позволил себе повысить голос, намекая, что его люди достойны большего, чем предложил сенешаль, Ардил вытянул руку и махнул ей, будто сметая что-то в сторону.

Громыхнуло, яркая вспышка ослепила всех, и запахло грозой.

– И так будет с каждым облезлым наглецом! – воскликнул он дрожащим от злости голосом. – Смотрите, и учитесь, что бывает с тем, кто не выказывает достаточно почтения к Верховному Благу! Кто проявляет наглость и злобу, приходит сюда не ради служения, а ради золота, копит в сердце грехи и несправедность!

От капитана осталась груда угольков.

– Хм, ктхм, господин, так мы продолжаем? – вполголоса поинтересовался командир Серебряных Крыльев, привыкший к вспышкам бешенства того, кто по праву занимал кристальный трон. – А то, что осталось от этого... надо бы убрать, или лучше оставить – в назидание остальным?

– Продолжаем. Оставить, – Ардил милостиво улыбнулся.

Следующим в очереди стоял боевой чародей, и его тут же заставили показать умение. Посреди зала возник голем, потрескались под ним плитки пола, неудачно отраженная молния подпалила одно из знамен на стене, и его пришлось тушить. Гвардейцы, попытавшиеся атаковать мага, не смогли до него добраться, а самые невезучие схлопотали по проклятию.

Ничего, заклинания можно снять.

– Очень хорошо, – произнес Ардил, потирая руки. – Ты нанят. Кто дальше?

Могучий мужик без бровей и ресниц и с красным, точно обожженным лицом оказался монстрологом, и он притащил с собой крохотного, со свинью, ядовитого слизня. Капитаны невольно отшатнулись в стороны, когда тварь, заключенную в особую клетку на колесиках, ввезли в зал.

– Не бойтесь, он послушный, без приказа не плюнет, – сказал монстролог ласково.

– Сколько таких у тебя? И есть ли кто еще? – брезгливо спросил Ардил, глядя, как хозяин безбоязненно чешет твари зеленый слизистый бочок, а та пульсирует всем телом, покачивается из стороны в сторону, и чуть ли не мурлычет, будто громадный уродливый кот.

– Так значит, есть икра, сохраненная должным образом, и из нее я за десяток дней еще дюжину смогу вырастить, – сообщил безбровый, задумчиво почесывая в затылке. – Значит, еще имеются яйца пяти василисков и десятка пауков, все живые, не сомневайтесь. Только нужно, чем кормить, и не травой, все ж не коровы, – он ласково погладил слизня. – Иначе они расти не будут.

– Это понятно, и падалью мы тебя обеспечим, – Ардил подписал очередной лист пергамента, и устало откинулся на спинку трона: по счастью, осталось немного, еще один человек, и можно будет слезть с кристального сидения, красивого, но неудобного. – Давай, Эбнер, не тяни...

– Харек Одержимый! – возгласил командир Серебряных Крыльев.

Зашагавший в их сторону человек был высок и широкоплеч, и, в отличие от прочих капитанов, не носил доспехов, даже кольчуги. Но на лице его красовалось множество шрамов, на левой руке не хватало пальца, пояс отягощал меч, а мягкая походка выдавала опытного воина.

В русой бородке и темных волосах имелось предостаточно седины.

– Приветствую тебя в Гардзе, – сказал Ардил, глядя в спокойные глаза цвета стали.

– И тебе привет, господин, – ответил тот, кого называли Хареком Одержимым, и звуки его голоса заставили вздрогнуть хозяина замка: что-то не так было с этим человеком, нечто странное и опасное пряталось за простецким вроде бы лицом, под черным кафтаном обычного покроя, хотя магии в этом парне не ощущалось, даже самой примитивной.

Он даже амулетов не носил.

– Велик ли твой отряд? – спросил Ардил, пытаясь сообразить, в чем дело.

– Сотня бойцов, помимо меня, – ответил Харек.

Изумление явственно отразилось на лице хозяина Гардза, и командир Серебряных Крыльев позволил себе вмешаться – знал, что Ардил потерпит нарушение церемониала, но уж если разозлится, то превратит виновного в мокрое место, и только затем начнет разбираться.

– Э, мой господин, – сказал он. – Это отборнейшие, лучшие вояки.

– Ты проверял их? – спросил Ардил, понимая, что ищет повод не нанимать этого человека, и это оттого, что тот вызывает у него тревогу – обычный, ничем не примечательный, особенно не знаменитый рубака, какого можно одним заклинанием отправить на тот свет, лишит возможности двигаться или сделать послушным рабом в руках чародея.

Но чутье подсказывало, что дело обстоит не так просто.

– Конечно, – Эбнер обиженно нахмурился. – Великолепный, сбитый отряд.

– Ну, не верить тебе я не могу... – Ардил прищурился, позволил зрению привычно раздвоиться, заглянул на бушующее многоцветье изнанки, чтобы увидеть истинную сущность Харека Одержимого, понять, кто явился к его трону, и если надо, принять соответствующие меры.

Он полагал, что глазам предстанет пестрый, чуть раздувшийся посредине вихрь, нечто вроде ярко раскрашенного детского волчка – энергетическое отражение мыслей и чувств смертного. Но невольно вздрогнул, обнаружив темную, монолитную фигуру, более всего похожую на грубо высеченную из черно-зеленого камня статую человека, местами покрытую изумрудным светящимся мхом – на груди, на макушке, в паху, и два пятна там, где должны быть глаза.

Ардил, ученик Нового Бога, не знал, кто может выглядеть таким образом.

Он давно забыл, что такое страх, но сейчас пришлось вспомнить – по спине побежали мурашки, в глазах появилась резь, как бывало в то время, когда он только осваивал взгляд на два плана одновременно. Хозяин Гардза попытался заглянуть вглубь темной фигуры, проникнуть в суть существа, что невероятно походило на человека, но все же им не являлось.

Нечто тяжелое и мягкое ударило по лбу, точно получил по голове обернутым в одеяло валуном. На миг Ардил даже потерялся, а когда вновь обнаружил себя на троне, скорченного и дрожащего, тут же гордо выпрямился, бросая вокруг свирепый взгляд – не попусти Новый Бог, кто-то заметил, что с ним что-то не в порядке, что он дал слабину.

Но минуло, похоже, всего несколько мгновений, и все обошлось.

– Кто-нибудь еще знает этого человека? – спросил Ардил, стараясь не глядеть на Харека.

Тот, услышав вопрос, чуть приподнял брови, лицо командира Серебряных Крыльев отразило замешательство, а капитаны наемных рот принялись нервно переглядываться.

Вперед выступил предводитель «Стальных Лис», и когда он заговорил, то в голосе его прозвучало что-то вроде гордости:

– Я знаю, с позволения повелителя, – проговорил он, – и готов поставить все перья из хвоста Стального Сокола, что и Харек Одержимый, и те, кто сражается под его началом, несмотря на малочисленность, достойны того, чтобы быть в вашем войске. Иначе... вы рискуете тем, что они окажутся в армии Тарегона.

Ардил заскрипел зубами, возникло ощущение, что его прижали к стенке.

– Хорошо, я понял, достаточно, – буркнул он, нетерпеливо взмахивая рукой. – Сейчас мы все подпишем... Эбнер, где там этот писец, чтобы ему в Хаос провалиться? – перо вздрогнуло в руке, и он едва не поставил кляксу, понимал, что злится, что все это видят, но ему было плевать.

«Ничего, так даже лучше, – подумал хозяин Гардза, глядя в спокойное лицо Харека Одержимого, забравшего договор найма у командира Серебряных Крыльев. – Необходимо разобраться, кто это такой, насколько опасен, для чего он пошел ко мне на службу и не лучше ли его уничтожить вместе со всем отрядом. А это удобнее сделать, когда объект наблюдения находится рядом, под непосредственным контролем».

* * *

Эхо побежало по святилищу, умножаясь и дробясь в приделах, подскакивая до вознесенного на немыслимую высоту купола, и Ардил на миг ощутил себя единым целым с Храмом Бессмертных. Кожа его стала драгоценным мрамором из копей Уруд-Хана, руки и ноги обратились колоннами, голова сделалась алтарем, и он уловил молитвенный экстаз сотен прихожан – ни единой фальшивой нотки, слитный хор благоговения, святого счастья.

Сегодня тут собрались лишь истинно верующие.

Повелитель будет доволен.

– Незримому Хранителю да будут принесены искренние дары наших сердец, – нарастав произнес он, делая знак застывшим на хорах жрецам из храмовой прислуги, и грянуло славословие, придуманное совсем недавно, именно для этого случая – освящения грандиознейшего святилища тех земель, где поклоняются не только Сияющему Орлу, но и Верховному Благу.

Сам Ардил формально никаких титулов не носил, но все знали, что именно с него началось поклонение Новому Богу, что ему подчиняются не только простые священнослужители, но и инквизиция, призванная бороться с Хаосом. Он правил именем невидимого хозяина мира, отдавал приказы, водил войска, и только один знал, как обстоит все на самом деле.

– Светоносный обликом... славою победим... защитник наш... – голосили жрецы.

Хозяин Гардза стоял впереди всех, молитвенно сложив руки перед грудью, и всего несколько шагов отделяло его от алтаря – огромного, кубического, из белого камня. Верхнюю поверхность его украшала одна-единственная скульптура – крошечный человек с посохом в руке, вырезанный так искусно, что можно разглядеть треугольное лицо, копну волос, длинные пальцы.

Ардил понимал, кого изображает эта фигурка.

– Благость с нами! Радость с нами! Покой с нами! – пели жрецы.

Момент, когда алтарь начал светиться, он пропустил – отвел взгляд вроде бы на миг, а когда поднял глаза, белоснежный камень полыхал, в его глубине, обретшей прозрачность, роились смутные образы. На мгновение испытал чувство потери собственного веса, точно воспарил над полом, и вслед за этим ощутил неимоверную тяжесть, словно горный хребет упал на плечи.

– Благость с нами! – воскликнул Ардил, и голос его прозвучал так мощно, что перекрыл хор служителей. Казалось, покачнулись колонны, и купол храма подпрыгнул на своем месте. – Узрите же Верховное Благо во всем его великолепии, и пусть сердца ваши откроются небесному свету!

Поначалу он радовался моментам, когда мощь повелителя нисходила в слабое тело, заставляя каждую его частичку трепетать в экстазе. Он и сейчас получал от них удовольствие, но то было смешано с некоторой долей гадливости – хозяин Гардза подозревал, что в такие мгновения он не принадлежит сам себе, действует не по собственной воле, хотя вроде бы не чувствует принуждения.

Но его мысли и чувства выглядели иначе, чем всегда.

Эта мысль пришла в голову Ардилу совсем недавно, и поначалу он ее с возмущением отбросил. Но потом, однажды бессонной ночью она вернулась, и он вынужден был признать, что в этом что-то есть – Новый Бог должен действовать на физическом плане, но сам воплощаться не любит, хотя и умеет, и поэтому какой для него наилучший выход?

Правильно, использовать послушный инструмент, а именно – ученика.

– Узрите же! – повторил Ардил, поворачиваясь к собравшимся в храме людям, и отмечая, что тело его двигается как бы само, мышцы сокращаются раньше, чем он успевает отдать им приказ. – Падите на колени в благоговении и станьте свидетелями мощи Верховного Хранителя!

Прихожане дружно опустили на пол, кое-кто даже упал ничком.

А мысли в голове Ардила помчались, точно облака во время шторма... Войско выступит через несколько дней... путь к Тарегону один, и есть на нем одно препятствие... пересекающая тракт гряда невысоких, но почти непроходимых гор, и проход запирает мощная крепость Синтах... осаждать ее – дело долгое и нудное даже для его армии... значит, нужно прибегнуть к другому средству.

Все выглядело с одной стороны так, что он продумал это сам, а с другой – что цепочку размышлений вложили ему в голову, даже не особенно заботясь о том, чтобы применять те слова, какие обычно употреблял Ардил. Повелитель пользовался им, будто засунутым в воду копьем, и это было не то чтобы обидно – все в этой жизни не более чем игрушки судьбы – но как-то мерзко.

– Да, молитесь, молитесь, – прошептал хозяин Гардза.

Он почувствовал, как сила веры хлынула в него, точнее, не в него, а через него устремилась в изнанку, ощутил, что за спиной, и одновременно сверху, и внутри возник некто огромный, могучий, дышал опаляющей мощью. Руки поднялись сами, зрение раздвоилось, на изображение храма наложилась его энергетическая проекция – исполинский бело-розовый цветок.

Он вздрогнул, и вверх ударил столб энергии.

Ардил вроде бы остался там, где и был, рядом с алтарем, и в то же время полетел, понесся куда-то, точно птица, подхваченная сильным ветром. Внизу проглянула земля – зеленовато-бурая неровная поверхность, рассеченная голубой трещиной реки, и он узнал Гардз, прилепившийся между излучиной и холмами, обнесенный мощными стенами, с торчащими шпилями башен и сине-белыми, гордо реющими флагами...

Но его понесло дальше, прочь от Хелдеза, в ту сторону, где прячется за горизонтом Тарегон. При мыслях о вражеском королевстве ученик Нового Бога вздрогнул, и та его часть, что стояла в Храме Бессмертных, сжала кулаки. Но ярость прошла мгновенно, сменилась деловитой сосредоточенностью, а внизу появилась могучая крепость на горном отроге... Синтах.

Он словно висел над ней, очень высоко, так что не мог видеть подробностей.

Руки Ардила задвигались, а мешочек на поясе, где он хранил кристаллы для колдовства, нагрелся, а затем бока его опали – в ход пошла большая часть того, что содержалось внутри. Изнанка над храмом замутилась, струи разноцветного сияния начали изгибаться, а чистый свет их тускнеть – тот ритуал, что он затеял, требует насилия над энергетическими потоками, и насилия жестокого.

Хозяин Гардза вспотел, невероятных усилий стоило удерживать концентрацию сразу на трех планах восприятия: его тело в храме... висящая над Синтахом проекция... изнанка. Обычный колдун, ограниченный силами и возможностями простого смертного, никогда не сможет даже вообразить подобное, уж не говоря о том, чтобы повторить.

На мгновение Ардила обуяла гордыня.

Над храмом возникло нечто похожее на огромное грязно-фиолетовое копье – толстый наконечник и обломок древка, все это неровное, дрожащее, словно нарисованное. И он метнул это «оружие», не руками, а всем телом, всем существом, и вздрогнул от пронзившей сердце боли, тело в храме попыталось рухнуть на пол, и с трудом устояло на ногах.

Через мгновение копье возникло над Синтахом, и помчалось вниз.

Ардил прошептал слово, громом раскатившееся по изнанке, и «оружие» рассыпалось, к земле устремились тысячи лиловых безглазых змей, на самом деле – струек энергии. Каждая найдет жертву, и не только в стенах крепости, но и во всей провинции, где она построена, и проход к Тарегону будет открыт... пусть не сразу, как раз к моменту, когда к перевалу в горной гряде подойдет армия.

«Тот, кто делает, справится всегда» – вспомнил хозяин Гардза любимую присказку.

Через мгновение он был в Храме Бессмертных, вытирал залитое потом лицо, а сотни прихожан с обожанием таращились на своего повелителя, на того, кому ведома воля Нового Бога. Они видели то, что Незримый Хранитель счел нужным им показать, слышали только собственный экстаз и благоговение, и совершенно точно не понимали, чему стали свидетелями.

– Служба окончена, – сказал Ардил. – Верховное Благо надо всеми.

Жрецы вновь затаили нечто гнусавое, а люди начали подниматься, между стен раскатился негромкий гомон. Сквозь толпу, звеня шпорами, протолкался командир Серебряных Крыльев, даже в святилище явившийся в доспехах – в этих стенах хозяину Гардза не нужна защита, никто не в силах причинить ему вред здесь, но любой волен войти в двери храма, и капитан гвардии не исключение.

– Пора домой, Эбнер, – проговорил Ардил.

– Да, повелитель, – отозвался тот. – Я думаю, что вам нужно отдохнуть.

– Обязательно... крепкий сон, ужин... почитать что-нибудь.

– Нет, повелитель, если позволите, то я о другом, – командир Серебряных Крыльев громко засопел. – Может быть, я прикажу достать наилучшего вина и позвать танцовщиц? Или пригласим бродячий театр, чтобы они показали какой-нибудь фарс? Хотя лучше всего нанять девочку из заведения Мяся-Квася, там такие работают, богини, мигом сделают так, что вы воспарите на небеса.

– Нет! – гневно воскликнул Ардил: все, что предлагает преданный до последней вмятины на доспехах Эбнер, предназначено для ублажения простых смертных, тех, кто почти не отличается от скота... а не для него, для сильнейшего из магов этого мира, для того, кто намного больше, чем любой из людей... и в чем-то намного меньше, если хорошенько подумать.

3. Жрица. Сейчас

Дождь, неожиданно холодный для месяца Произрастания, начался после полудня. Моросил целый день, и не подумал закончиться к тому моменту, когда небосклон принялся понемногу темнеть.

– Ну как можно, чтобы мне лопнуть? – бормотал Пегас, орудуя поводьями. – Страсть какая погода мерзкая, так ведь и придется пиво пить, чтобы все в гармонии было – снаружи мокро, и внутри сыро. У меня в заначке есть такое, что покрепче, ох, хорошо.

Джадия не сомневалась, что низкорослый возница приложился бы к заветному бурдючку в любом случае, но высказываться по этому поводу не стала. Обоз свернул с дороги, едва впереди показалась река с перекинутым через нее мостом, и телеги принялись выстраиваться кругом.

Девушка спрыгнула со своей, разминая ноги, и принялась за дело – распрячь лошадей, затем взять топор и отправиться в ближний лес за дровами, а потом к берегу за водой, без нее и без огня голодными останутся все.

Пегас как-то незаметно присосался к бурдюку, и когда Джадия вернулась от реки, глаза возницы смотрели в разные стороны. Увидев девушку, он осклабился, подмигнул и забормотал что-то о «приятных на ощупь красотках», но стояло рядом объявиться Цайнеке, стал выглядеть трезвым.

– Усе в порядке? – подозрительно осведомился помощник купца, разглядывая физиономию любителя полетать. – Мне кажется, или от тебя и вправду смердит, точно из пивной бочки?

– Это дождь, ставлю свои сапоги против твоего пояса, – убежденно заявил бородатый Пегас. – В этих местах они такие бывают, то пивом воняют, то вином, а в том году, помню, и вовсе рыбными потрохами, мы тогда чуть от вони не задохнулись, чтобы мне лопнуть.

Цайнеке сплюнул и пошел дальше, а возница вновь подмигнул Джадии, но не игриво, а залихватски. Девушка отвернулась, и занялась вещами – лучше все переложить под телегу, а то непременно промокнет, несмотря на добротный мешок, а ведь внутри есть кое-что ценное.

Ужинали под тем же дождем, гномы перекидывались шутками и ржали, будто кони. Джадия жевала спокойно, время от времени поглядывала в ту сторону, где сидел Рацибуж Седьмой.

Большой костер затушили, остался маленький, и возницы с охранниками принялись устраиваться на ночлег. Она забралась под телегу, где было чуток посуше, и едва завернулась в спальный мешок, как из сырой тьмы явилась пошатывающаяся коренастая фигура.

– Шею сверну, – пообещала девушка, не успел Пегас произнести хотя бы слово.

– Эх, ну что за жизнь, – забурчал возница. – Никакой радости, так и придется пить страсть как, и ночевать в обнимку со стариной Барком, а не с теплой девкой, а у него борода колючая, и храпит он, как простуженный дракон.

Вытащив откуда-то булькнувший бурдюк, он убрел прочь, и Джадия осталась одна. Закрыв глаза, она позволила себе расслабиться, а затем принялась слушать – спать еще рано, сегодня не такая ночь, когда поддельная Зарина из клана Седого Волка может уснуть просто так.

Ближе к опушке вздыхают и переступают с ноги на ногу лошади, из крохотной палатки, что поставлена для Рацибужа, доносится негромкое посапывание. Пегас со «стариной Барком» шутливо переругиваются, определяя, кто кого сегодня ночью будет «пользовать».

Один из часовых сидит у костра, повернувшись к нему спиной, еще двое находятся за пределами кольца из телег, первый лежит на обочине дороги, второй прячется в зарослях.

Все делают как надо, и враг не подкрадется незаметно, но Джадия им не враг, и подкрадываться не собирается.

Она выждала, когда заснули все соседи, и ловко, по-змеиному выскользнула из спальника. Вытащила из мешка другой, поменьше, и поползла, следуя тому пути, что сложился в голове девушки, когда она вслушивалась в шумы лагеря.

Пять шагов вперед, прямо к костру, и главное – не налететь на пустой котелок. Затем повернуть направо, и двинуться туда, где между двумя телегами имеется проем в несколько шагов. Выждать, пока перевернется с бока на бок толстый гном по прозвищу Убийца Жратвы, и продолжить путь.

Оказавшись за пределами лагеря, Джадия застыла на месте, пытаясь точно определить, где находится часовой. Если он чего заметит, его придется убить, причем так, дабы никто не заподозрил, что это сделала она.

Охранник выдал себя, когда засопел и принялся почесывать, так что брякнула какая-то деталь доспехов. Девушка кивнула сама себе, взяла чуть правее, и вскоре под руками оказалась хвоя, а над головой закачались еловые, густо сплетшиеся между собой ветки.

Тут она поднялась на ноги, и дальше пошла, но так тихо, что только кошачье ухо уловило бы ее шаги. Остановилась примерно через полмили, когда выбралась на круглую полянку размером с небольшую комнату.

– Во славу Темного Жреца и его сестер, чья боль и чей гнев поддерживают мир, – прошептала она, и принялась неспешно готовить ритуал Малого Всесожжения: его нужно провести именно сегодня, иначе она лишится расположения божественных покровителей.

Заполыхал крохотный костерок, встал над ним котелок на треноге, задымился упавший на дно кусок черной смолы. Резкий приторный запах перебил ароматы смолы и сырой земли, а когда пламя потемнело, стало черно-синим, девушка опустилась на колени и закрыла глаза.

На ощупь вытащила из мешка три статуэтки, изображавшие Темного Жреца и его сестер, и начала читать Входную Молитву. От сладкого дыма закружилась голова, а земля под ногами закачалась – верный признак того, что ее услышали, что жертва будет принята и приятна.

Она сожгла небольшую еловую веточку, затем два вороньих пера, и напоследок сунула в огонь руку. На мгновение стало больно, но тут же боль ушла, ее забрал Темный Жрец, и осталось лишь ощущение ласкового теплого прикосновения.

Джадия почувствовала, что над ней нависли две огромные, безликие женские фигуры. Она открыла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как пламя уползает под землю, будто отрез ткани, утянутый в крохотную дырку.

Ритуал завершен, но предстоит сделать еще кое-что – ликвидировать его следы, дабы ни маг, ни инквизитор не заподозрил, что здесь происходило что-то интересное. Жаровня исчезла в мешке, на смену ей явились лопатка и крохотная метелочка из веток ивы, и девушка принялась за «уборку».

Благодаря дарованному Темным Жрецом ночному зрению справилась быстро, и двинулась назад все под тем же дождем. Некоторое время понаблюдала за лагерем из леса, убедилась, что ничего не изменилось, часовые остались на тех же местах, а прочие гномы дрыхнут без задних ног.

Бесшумно и стремительно она проползла обратно, и, будучи в спальном мешке, закрыла глаза, на этот раз, чтобы уснуть по-настоящему. А открыла их уже утром, услышав над ухом громкое кряхтение и бурчание, возвестившее, что Пегас явился провести свое хозяйство.

– Доброе утро. Вставай, что ли, – сказал он, обнаружив, что девушка не спит, и ее обдало смачным «ароматом» перегара. – Отправимся скоро, вот только набьем брюхо, – и возница похлопал себя по животу.

Дождь прекратился, но облака никуда не делись, так и остались висеть над землей плотным занавесом. Отдельные солнечные лучи сумели пробиться через него лишь в тот момент, когда гномий обоз выбрался на дорогу и покотил дальше на запад.

Пегас болтал, точно так же, как вчера и позавчера, рассказывал анекдоты, более боро-датые, чем старейшина из Снежных гор. Джадия слушала, время от времени издавая одоб-рительное хмыканье, но любые попытки возницы «познакомиться поближе» пресекала.

Миновали деревушку, прижавшуюся к берегу озера, и потянулся лес, достаточно ста-рый и мрачный, чтобы в нем имелась какая-нибудь пакость. Охранники перестали трепаться, зашарили взглядами по зарослям, и девушка подобралась тоже, положила руку на меч.

Громкий скрип пронесся над чащей, и впереди, чуть не шарахнув по голове лошадь Рацибужу, упало дерево. Скакун купца взвился на дыбы, так что тот едва удержался в седле, и в тот же момент с двух сторон по обозу ударили лучники.

– Вот курва! Рази гнид! – рявкнул Пегас, выхватывая огромный топор, а с той телеги, что ехала позади, донесся вскрик – летучий снаряд нашел цель, воткнулся в одного из боро-датых нелюдей.

Джадия соскочила на землю, и ринулась в заросли, на ходу выхватывая клинок – если ты родилась в варварском племени, то должна кидаться в бой, не раздумывая, да еще и вопя от радости. Затрещали ветки, и она налетела на мужика в рванье, вооруженного луком и с мечом на поясе.

Тот на миг задумался, то ли стрелять в нее, то ли хвататься за эфес, и этого мгновения девушке хватило. Она ударила в горло, дергающееся тело упало наземь, и по буро-зеленой подстилке из иголок заструился алый ручеек.

Джадия развернулась туда, где, судя по звукам, прятался второй разбойник, но там через лес с воплями ломился кто-то из гномов. Побежала, держась вдоль обочины, и вскоре налетела на двух могучих головорезов, таких же оборванных и грязных, как и первый.

– О, девка! – рявкнул один, и заухмылялся плотоядно, но улыбка исчезла с его рябой физиономии, стоило воительнице увернуться от выпада топором и самой перейти в контр-атаку.

Получив тычок в бок, головорез завыл, попытался метнуть оружие, но Джадия увер-нулась и убила рябого одним ударом. Второй попытался удрать, но из-за спины девушки вылетел топор и вонзился тросу между лопаток.

– Клянусь пальцами Урда, это я удачно попал! – прозвучавший между деревьями голос принадлежал Рацибужу, а вслед за голосом явился и сам купец в сопровождении верного Цайнеке – помощник воинственно топорщил бороду и сжимал шестопер, настолько же полезный в бою с разбойниками, как сковородка.

– Тут опасно, могут быть еще, – сказала Джадия.

– Ерунда, они все удрали, понятное дело, вон мои за ними гоняются, – и Рацибуж мах-нул в ту сторону, откуда доносились лихие вопли, топот и удары, наводившие на мысли о твердых головах, что входят в соприкосновение с древесными стволами. – Молодец, дев-чонка, хотя чего еще ожидать от Седых Волков?

Она изобразила кровожадную ухмылку, а купец подошел к убитому и вытащил оружие из его спины. Осмотрев лезвие и осторожно потрогав его, он повернулся к «Зарине» и заявил:

– Если в армию Ардила не завербуешься, то найди меня, возьму в охрану. Отправимся из Гардза мы дней через пять, надо там кое-чего прикупить, ну а отыскать меня можно на постоялом дворе «Сердце гор», что в гномьем квартале, на Малой Шахтной улице. Поняла?

Джадия кивнула и подумала, что Рацибуж, если в самом деле задумает нанять ее, то запросто разорится. Вернувшись к своей телеге, обнаружила очень довольного Пегаса, счи-щавшего кровь и мозги с лезвия топора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.